

Сердоболь

8 выпуск

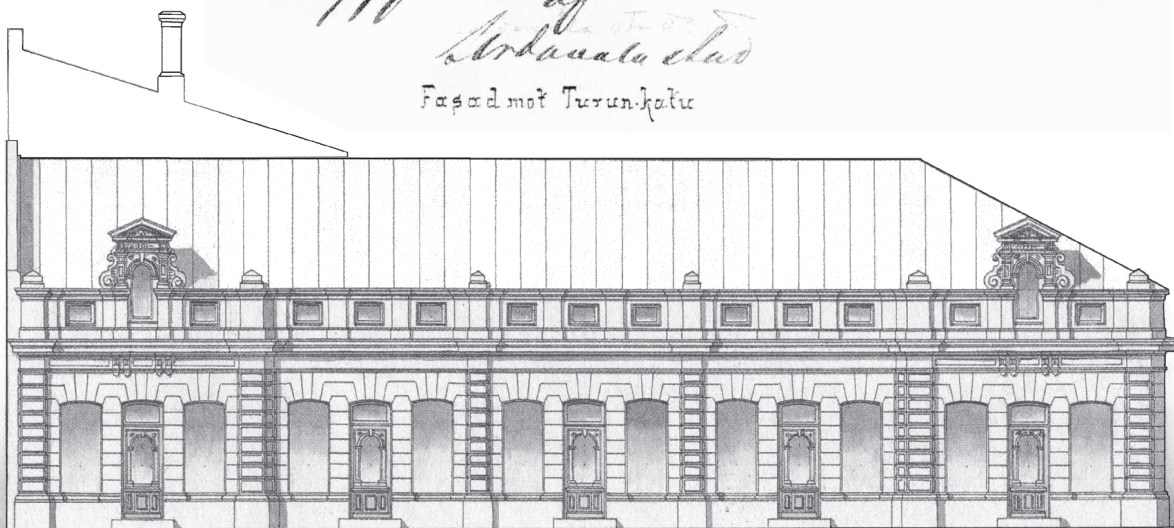
RITNING

til

butiklokaler och magasin af sten

och uppförda i hantverks MS i *Detta* *stad* *del*
af *Stads* *del*
Stads *del*

Fasad mot Turunkatu

ГОРОДСКОЙ АЛЬМАНАХ * KAUPUNGIN ALMANAKKA

ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМ

Победитель российского конкурса
краеведческих периодических изданий

**Городской альманах
Сердоболь**

Председатель правления
Фонда имени Д.С.Лихачева,
Председатель жюри, писатель

Даниил Гранин

Санкт-Петербург
25 марта 2010 года

ГОРОДСКОЙ Сердоболь АЛЬМАНАХ

Редколлегия

Арт-директор
Виталий Рытов
генеральный секретарь
Светлана Романова

Игорь Борисов,
Лейла Берая, Александр Изотов,
Валентина Кирьянова

Координаты

Республика Карелия,
186790 г.Сортавала (Сердоболь)
ул.Карельская, Д.19, а/я 13
Тел.+7 (921) 604-09-61;
Skype:almanah-serdobol
e-mail:serdobol-almanah@yandex.ru
сайт:www.serdobol.sortavala.info

Наместники

В Петрозаводске:
Раиса Мустонен,
Владимир Судаков.

В Йоенсуу (Финляндия):
Александр Изотов
Aleksander.izotov@joensuu.fi

P. S

Редакция благодарит за помощь
в выпуске данного номера
Михаила Ветрогонского

Мнения авторов могут
не совпадать с позицией редакции
Альманах издаётся с марта 2008г.
Выпуск 8
декабрь 2010г.
Тираж 999 экз.

ТЕМА

Эпизоды войны

4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Граф Банер

12

ОБИТАТЕЛИ

Беллетрист

17

Сказительница

21

Художник

26

животное

41

ОКРЕСТНОСТИ

Импилахти

45

ОБЪЕКТ

Выставочный зал

54

TIIVISTELMÄ

56

Эпизоды войны

В прошлом номере Альманаха в рубрике «тема» освещались эпизоды Зимней войны 1939-1940 гг. в Сортавала. Опубликованные отрывки из воспоминаний жительницы д.Аньяла касались такого явления, как эвакуация. В этом номере представлены два материала о Гражданской войне. Фрагменты из книги И. А. Смирновой и О. А. Ярового «Валаам: под флагом Финляндии» описывают драматические события городской жизни марта 1918г. А статья Бьярне Стенквиста «Чёрная месть белых» рисует трагические картины террора того времени.

Чёрная месть белых

90 лет назад*, вечером 27 января 1918 г., на башне Народного дома (1) в Гельсингфорсе был поднят красный флаг. Это было сигналом к началу единственной в Скандинавии социалистической революции (2). Причины восстания - острые социальные проблемы, а также активная политическая борьба за власть в независимой Финляндии. Но сам захват власти был едва ли чем-то большим, чем просто государственный переворот. Красных в Финляндии вдохновил успех большевиков в ноябре 1917 г., когда плохо вооружённым отрядам удалось свергнуть Временное правительство.

Революционное правительство в Гельсингфорсе не предвидело ряда серьезных проблем: способности белой Финляндии организовать военное сопротивление, нестабильности помощи красным из России и военной интервенции кайзеровской Германии в поддержку белых. Собственно говоря, восстание было обречено на поражение уже спустя три недели, когда немецкие войска, пройдя Польшу, Украину и Прибалтику, достигли Нарвы (18 февраля). Брест-Литовский мир, заключенный 3 марта, вынуждал Ленина предоставить красных финнов их судьбе и ускорить демобилизацию 40 тысяч русских солдат, оставшихся в Финляндии с царских времён. Русский Балтийский флот покинул Гельсингфорс, в то время как 10 тысяч хорошо вооружённых немецких солдат (3) высадились в Гангё (4) с целью захвата красной столицы Финляндии.

Красная Финляндия (5), занимавшая всю южную индустриальную часть страны с населением примерно полтора миллиона, просуществовала три с половиной месяца. За этот период красные казнили 1450 человек (6). Военные действия, в которых погибли 3,5 тысячи белых и 6 тысяч красных солдат, завершились 15 мая 1918 г. (7)

Однако больше всего в истории этого восстания потрясает та карательная кампания, которую белые развернули после своей победы. Финский исследователь Марко Тикка в своей книге «Время террора» («Terrorin aika», 2006) смог указать на то, что после падения Таммерфорса (8) в начале апреля 1918 г. финское правительство, хотя и неофициально и как бы против своей воли, уступило требованиям армии и белой гвардии (9) организовать военно-полевые суды, что противоречило финским законам и существующей практике. В 2004 г. государственная историческая комиссия «Жертвы войны в Финляндии» сообщила, что за короткий период (весна-лето) этой кампании расстрелы совершались с редко снижаемой интенсивностью — было казнено почти 10 тысяч человек (10). Суды проходили за закрытыми дверями. Многие десятилетия сведения о том, кто кого осуждал на смерть и почему, сохранялись только устно и неофициально.

Всего было арестовано свыше 80 тысяч человек, почти три процента населения страны, из которых 75 тысяч были посланы в спешно организованные лагеря, где заключённым не хватало места, воды, еды и медицинской помощи. Из-за плохих условий умерло 13 500 человек, то есть 15 процентов заключённых (11). В худшем из лагерей, в Экенесе, где содержалось около 9 тысяч заключённых, умерло 30 процентов, - столько же, сколько в японских лагерях во время Второй мировой войны. После гражданской войны Финляндия испытывала острую нехватку продовольствия, а летом 1918 г. в Скандинавии началась эпидемия «испанки». Однако причина той поспешности, с которой расправлялись с заключёнными, крылась прежде всего в равнодушии к их судьбе со стороны правительства, риксдага (12) и руководства армии, что среди прочего подчеркнул американский исследователь Энтони Аптон.

Уже в феврале 1918 г. белое финское правительство постановило устроить лагеря, намереваясь предать суду всех, кто каким-либо образом принимал участие в восстании или проявлял симпатии делу

*Опубликовано в газете «Svenska Dagbladet» (Стокгольм) 26 января 2008 г.

Перевод и комментарии с сайта <http://saint-juste.narod.ru/suomi.html>

Перевод со шведского Анастасии Кузиной.

Научный редактор Александр Тарасов.

красных. В мае 1918 г., после завершения гражданской войны, финский риксдаг, в котором социал-демократы занимали 92 из 200 мест, решил продолжать свою работу, несмотря на то, что только одному члену парламента от Социал-демократической партии было позволено остаться. Остальные 91 человек были казнены, заключены в тюрьму или бежали из страны. Этот «куцый парламент» в конце мая принял правительственный закон о введении по всей стране системы судов над «государственными преступниками». Было создано 144 таких суда, перед которыми предстали свыше 75 тысяч человек. Многих отправили на принудительные работы, пятистам был вынесен смертный приговор (125 приговоров привели в исполнение) и почти 60 тысяч оказались лишены гражданских прав (13).

В общем, чтобы обеспечить работу судов над «государственными преступниками», потребовался весь юридический корпус страны. До этого в работе сотен военно-полевых судов принимали участие несколько тысяч человек, часто судьи, полицейские, домовладельцы и мелкие хозяева. В 2006 г. финский исследователь Аапо Роселиус в своей книге «По следам палачей» (14) смог указать, что в 1918 г. по меньшей мере 8 тысяч человек принимали участие в расстрелах. Таким образом, значительное число людей делало то, что, как многие из них знали, шло вразрез с фундаментальными нормами права. Однако, они рассчитывали на защиту финского государства.

В политической сфере в период гражданской войны царил хаос. С самого начала только четырём членам буржуазного правительства удалось доб-

раться до г. Васа, чтобы организовать сопротивление красным (15). Риксдаг вообще не собирался вплоть до мая 1918 г. Самыми сильными игроками были армия и отряды белой гвардии. Несмотря на это, очевидно, что политика сурового наказания восставших имела широкую поддержку в белой Финляндии. В газетах «Дагенс нюхетер» и «Политикен» (16) 14 февраля 1918 г. было помещено заявление главы финского правительства Хейкки Ренвала, в котором он говорил, что главарей восстания следует повесить, а остальных его участников сделать «классом париев», лишив их гражданских прав. Когда в конце мая исполняющим обязанности главы государства стал Пер Эвинд Свинхувуд, а премьер-министром - Ю. К. Паасикиви, политика приобрела более официальные формы; были распущены военно-полевые суды, прекратили свою деятельность суды над «государственными преступниками», а военная администрация лагерей была институализирована.

В то же время правительство начинает проводить политику, направленную на сближение с Германией. Уже в марте 1918 г. Германия получила право размещать свои военные базы в Финляндии, немецкие солдаты были оставлены в стране, а сама Финляндия должна была стать королевством во главе с немецким принцем. Финское правительство видело в этой роли сына Вильгельма II Оскара (близкого экспансионистским идеям Пангерманского союза) (17), но должно было удовлетвориться шурином кайзера Фредериком Карлом. Согласно новой конституции, которая была основана на конституции Густава III 1772 г. (18) и которую правительство Паасикиви провело через «куцый

Конвоирование заключенных. Турку, 1918г.

парламент» в октябре 1918 г., король-немец обладал правом абсолютного вето (19) в вопросах, касающихся конституции и вооруженных сил страны, правом начинать «оборонительную войну», а также правом вето в обычном законодательстве; для отмены вето в парламенте требовалось большинство в две трети голосов. Эта конституция открывала дорогу авторитарному правлению, противоречащему основополагающим парламентским принципам.

Этим планам не суждено было сбыться в связи с военным поражением Германии в ноябре 1918 г. Свинхувуд и Паасикиви вынуждены были уйти в отставку. В сложившейся ситуации в новых выборах смогла принять участие даже Социал-демократическая партия, возобновившая издание своих газет.

7 декабря 1918 г., незадолго до своей отставки, регент Свинхувуд объявил амнистию всем, кто участвовал в подавлении восстания; эти люди освобождались от любых обвинений и не несли никакого наказания, даже если они «преступили границу необходимого». Так что, в том числе благодаря и этой амнистии, в Финляндии никогда не проводилось судебного расследования того, что произошло в 1918 г. Несмотря на большое число казнённых, в 1918-1919 гг. всего лишь около 170 человек обратились к финскому министру юстиции с просьбой прояснить, где, когда и за что были расстреляны их родственники. Но, как показано в книге Аапо Роселиуса, в результате этих обращений мало кому были предъявлены обвинения, и едва ли кто-либо был осужден.

Вместо этого многие из тех, кто участвовал в жес-

токих расправах, смогли укрыться в «глубинах государственного аппарата». Несколько примеров: Элиас Вальфрид Сопанен, председатель печально известного военно-полевого суда в Варкаусе, в 1923–1924 гг. был министром юстиции Финляндии. Два члена военно-полевого суда в Сатакунте, К.О. Лайтинен и Уско Валлин, получили высокие посты в финской судебной системе: первый служил в министерстве юстиции, второй был членом верховного суда. Даже в академической среде десятилетиями господствовали люди, связанные с белым террором.

Независимая Финляндия строилась вокруг пропагандистской картины событий 1918 г. В первой официальной «Истории Финляндии», 4 тома которой вышли в 1920–1926 гг., красные мученики были обойдены молчанием, но каждый погибший белый удостоился письменной биографии. Брешь в этой стене замалчивания и отрицания прошлого оказалась пробита только в конце 1950-х гг., когда был опубликован роман Вяйнё Линны «Вставайте, рабы!» (20). В интервью, данном «Дагенс нюхетер» в ноябре 1960 г., Линна сказал, что финская историческая наука вызывает у него ярость. Интервью было перепечатано в газете «Хювудстадбладет» (21), но споры заглохли довольно быстро. Они не возобновлялись вплоть до конца 1960-х гг., когда историк Яакко Пааволайнен, экономически независимый от государства и, следовательно, не получавший государственной стипендии на исследования, издал три новаторские книги о терроре красных и белых и о связанной с концлагерями катастрофе.

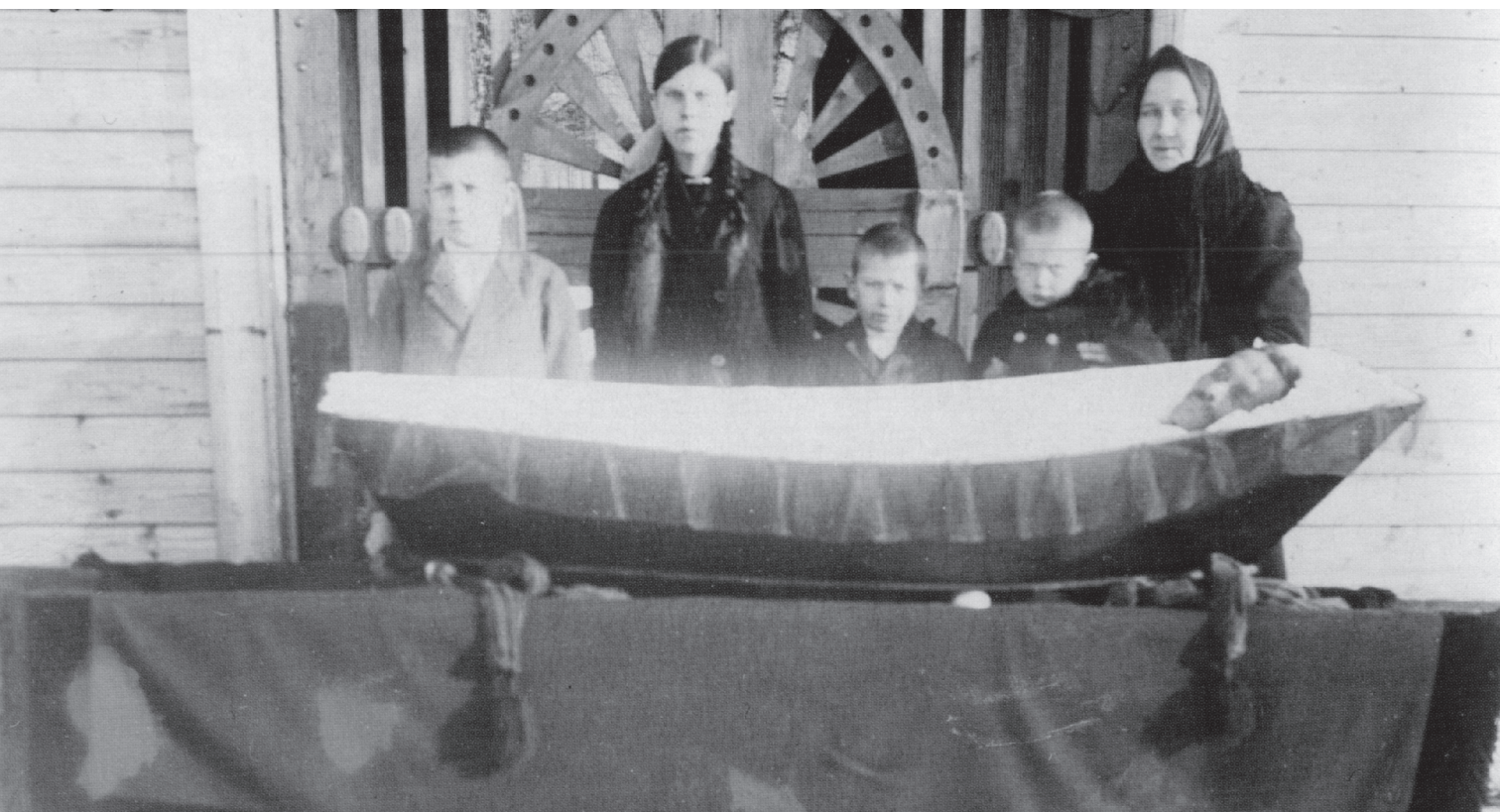
В 1991 г. Юкка Кекконен, ныне — декан юридического факультета в Университете Хельсинки, написал книгу под названием «Кораблекрушение закона. Судебные разбирательства уголовных дел в Финляндии в 1918 г.». В этой книге он пишет, что военнопольные суды не имели никакого законного основания для своей работы. Даже суды над «государственными преступниками» нарушали правовую норму, существовавшую в начале XX в. как в Финляндии, так и в Западной Европе: человека должно судить за его дела, а не за его воззрения. В судах над «государственными преступниками» людей судили за то, что они состояли в профсоюзах и спортивных обществах, созданных социал-демократами. Доносы поступали от белогвардейцев, работодателей, соседей и т.д. Судебные разбирательства не были гласными, редко когда подсудимому позволялось иметь защитника, приговоры не подлежали обжалованию. Позже Кекконен сказал, что финскую гражданскую войну и то, что за ней последовало, можно сравнить в Западной Европе только с испанскими событиями, когда погибла примерно такая же часть населения. Но в отличие от Финляндии, в Испании Франко массовые репрессии продолжались в течение 9 лет.

В 1981–1986 гг. и 1993–1995 гг. были опубликованы два исторических труда, официально профинансированных государством, и оба имели извиняющийся и заискивающий тон. В книге «Дорога в Таммерфорс» (1993), которая писалась в период войны в Боснии, профессор Хейкки Юликангас критикует финские

исторические исследования: «Почему события финской гражданской войны держатся в тайне, скрываются, в то время как мы в деталях знаем испанскую гражданскую войну и всё, что последовало за ней, и, к примеру, те зверства, которые имели место при Гитлере? Ответ прост. В Финляндии состав правительства не сменился столь радикально, как это произошло в Германии после отказа от национал-социалистической идеологии или в Испании после падения режима Франко. В обоих этих случаях можно было оглянуться назад и разобрать действия и решения предыдущей администрации без того, чтобы потом понести ответственность за них ... В Финляндии действующее правительство непосредственный наследник тому, что одержало победу в 1918 г.».

В 1998 г. премьер-министр Пааво Липпонен (при согласии всех парламентских партий) сделал шаг к решению этой проблемы и запустил исследовательский проект «Жертвы войны в Финляндии в 1914–1922 гг.». Председателем стал Хейкки Юликангас, главой проекта — Ларс Вестерлунд, на сегодняшний день начальник исследовательского отдела в Государственном архиве Финляндии. Благодаря отчёту, подготовленному этой группой в 2004 г., большинство родственников тех, кто погиб в 1918 г., смогли получить компетентный ответ на вопросы «когда, где и как». Но официальная Финляндия всё ещё отказывается признавать, что в 1918 г. действующие государственные институты организовали истребление 10 тысяч невинных граждан.

Бьярне Стенквист

Примечания к статье Б. Стенквиста «Чёрная месть белых».

Бьярне Стенквист - журналист и писатель, занимающийся вопросами, связанными с историей и современностью Финляндии. Автор нескольких книг, в том числе "Черная тень белой победы. Финляндия во время гражданской войны 1918 года" ("Den vita segerns svarta skugga. Finland och inbördeskriget 1918", 2009г.)

(1) Народные дома в Финляндии отличались от таковых в остальной царской России и де-факто были копией народных домов в скандинавских странах: контролировались Социал-демократической партией и занимались культурной и образовательно-просветительской деятельностью среди рабочего населения.

(2) Фактически - по программе и лозунгам - Финляндская революция 1918 г. была не социалистической, а буржуазно-демократической. Это позже, при анализе причин поражения революции были вынуждены признать и сами финские коммунисты (в тезисах Загранбюро ЦК КПФ к 15-й годовщине революции).

(3) Ошибка. В Гангё высадились 12 тысяч германских солдат. Общая численность немецкого экспедиционного корпуса фон дер Гольца в Финляндии, включая Аландские острова, составила 20 тысяч.

(4) Ныне - Ханко, порт и военно-морская база на юго-западе Финляндии.

(5) Официальное название: Финляндская Социалистическая Рабочая Республика (ФСРР). Выражение «Красная Финляндия» широко использовалось буржуазной прессой, чтобы избежать употребления официального названия со словами «социалистическая», «рабочая» и «республика», поскольку общим местом буржуазной пропаганды было утверждение, что в «Красной Финляндии» царит анархия. С другой стороны, революционная пресса часто называла ФСРР «Финляндской Коммуной».

(6) Обе стороны активно использовали тактику диверсионно-террористическо-партизанской борьбы, в частности, белые прославились особой террористической жестокостью и неразборчивостью в районе Лаппенранта - Антреа. Захваченных на месте участников таких действий, как правило, расстреливали. Количество казненных белыми в статье не приведено. Разные источники оценивают его в 2,5 - 3 тысячи человек, не считая казненных членов семей красных партизан и диверсантов.

(7) В действительности - 5 мая. Еще 10 дней белые потратили на карательные экспедиции в некоторые районы в «глубинке», где формально существовала власть ФСРР, но подразделений Красной гвардии не было.

(8) Ныне - Тампере. Таммерфорс пал 6 апреля.

(9) Имеется в виду шюцкор (швед. skyddskår - охранный корпус) - военизированные отряды финской буржуазии и кулачества, созданные еще в 1905 - 1907 гг. для подавления революции. 12 января 1918 г. шюцкор решением сейма получил официальный статус. В 1927 г. шюцкор был формально включен в состав вооруженных сил Финляндии, его возглавил лично

президент. Распушен 3 ноября 1944 г. по условиям советско-финского перемирия как военно-фашистская организация.

(10) По данным проигравшей стороны - 15817 человек.

(11) Проигравшая сторона приводит другие цифры: в тюрьмы и лагеря было отправлено 90 тысяч человек, 20 тысяч казнено, 15 тысяч умерло от голода и пыток в заключении. Разница в данных, помимо понятных политических причин, объясняется и тем, что нередко семьи репрессированных в полном составе бежали в Советскую Россию - и в Финляндии просто не осталось тех, кто мог бы поднять вопрос о судьбе своих погибших родственников.

(12) Так - на шведский манер - автор именует финский парламент (Эдускунту). В отечественной литературе парламент Финляндии традиционно называется «сеймом».

(13) По данным проигравшей стороны, за 4 месяца эти суды рассмотрели 75 575 дел, 67 788 человек (в том числе 4003 женщины) были приговорены к тюремным работам, смертных приговоров вынесено 555, приведено в исполнение около 150.

(14) Roselius A. Teloittajien jäljillä. Helsinki, 2007. Финский историк Аапо Роселиус принимал участие в исследовательском проекте «Жертвы войны в Финляндии в 1914 - 1922 гг.». - *Прим. перев.*

(15) Портовый городок Васа на востоке Финляндии был объявлен белыми «временной столицей» Финляндской республики.

(16) Шведская и датская ежедневные газеты. - *Прим. перев.*

(17) Пангерманский союз - немецкая ультраправая шовинистическая организация, существовавшая в 1891 - 1939 гг. Целью организации было установление мирового господства Германии. Пангерманский союз содействовал приходу к власти Гитлера.

(18) Густав III - король Швеции в 1771 - 1792 гг., при котором в стране была восстановлена абсолютная монархия. - *Прим. перев.*

(19) То есть сейм и верховный суд ни при каких обстоятельствах не могли преодолеть вето короля.

(20) Вяйнё Линна (1920 - 1992) - крупнейший прозаик послевоенной Финляндии. Его роман "Неизвестный солдат" (1954), противостоящий официальной милитаристской версии Советско-финской войны, вызвал в Финляндии сенсацию и стал самым читаемым произведением в стране (продано свыше 1,5 млн экземпляров), был экранизирован в 1955 г. (в 2007 г. фильм признан "лучшим фильмом финского кинематографа"). Спектакль Финского национального театра "Неизвестный солдат" вызвал в 2008 г. фурор и был назван главным театральным событием Европы. "Восстаньте, рабы!" - вторая часть трилогии "Здесь, под Полярной звездой" (в рус. переводе - "Здесь, под северной звездой"). В 1997 г. портрет Линны был размещен на купюре достоинством в 20 финских марок.

(21) Финская ежедневная газета, выходящая на шведском языке. - *Прим. перев.*

Представители противоборствующих сторон. На фото сверху - "белые", внизу - "красные". 1918г.

События на монастырском подворье в Сортавала.

Рассказ о сортавалских событиях времён Гражданской войны в Финляндии ведется по материалам местной газеты "Laatokka" (в пер. с финск. - "Ладога"), опубликованным в номере от 21 января 1921 года.

Февраль 1918 года. В Финляндии уже месяц идет гражданская война. Как и все большие и малые города страны, тихий уездный Сортавала живет в обстановке двоевластия и тревожном ожидании событий...

После провозглашения независимости страны сенат - буржуазное правительство Финляндии и народные Советы - органы рабочих, образованные по российскому типу, сформировали собственные вооруженные силы - соответственно Белую и Красную Гвардию. Две большие армии, примерно одинаковые по численности - до 100 тысяч человек каждая, вступили в схватку за власть в стране. Основным театром военных действий стала южная Финляндия, с городами Тампере и Хельсинки, и Карельский перешеек с Выборгом. В Ладжской Карелии боевые действия начались позже и не оказались столь ожесточенными, как в полосе основных фронтов, но именно здесь - в Сортавала, в восточной части Выборгской губернии, белые одержали в этой войне первую победу над краснотроцкистами. Негромкая эта победа, если рассматривать ее в масштабе всей войны, имела большие последствия для военной кампании Белой Гвардии.

Сортавала не был промышленным центром, экономика города стояла на торговом и банковском капитале. Среди обеспеченных горожан было много торговцев. На сортавалских обывателей наводили страх не столько сосредоточенные в Выборге войска красных (опасались прибытия их отрядов), сколько свои городские рабочие. Их немногочисленные, но решительно настроенные группы были готовы, по примеру промышленных рабочих крупных финляндских городов, в любой момент взять в руки оружие. Отцы города власть красным, разумеется, отдавать не спешили, старались успокоить горожан и надеялись «защитить порядок, опираясь на милицию».

Финляндская милиция была образована еще летом 1917 года вместо полиции, запятнавшей себя прислужничеством ненавистному русскому самодержавию. Отряд местных сил правопорядка, собранный, как и в других уездах, из «добропорядочных граждан», насчитывал в своих рядах 300 человек, но был слабо вооружен – в его распоряжении имелось всего 50 винтовок и 30 наганов.

В городе еще сохранялся порядок, установленный буржуазным муниципалитетом, но в любой день (или ночь) все могло измениться в пользу рабочих. И дело было не в том, что милиционеры могли перейти на сторону Совета (хотя и это нельзя было считать невероятным), а в том, что в Сортавала оставался отряд российской Пограничной Стражи, уступавший по численности милиции, но хорошо вооруженный и профессионально обученный ведению боевых действий. Пограничники еще в январе, после подписания правительством Советской России Декрета о независимости Финляндии, должны были уйти в свою страну, но их отправка задерживалась. Это были в основном люди из так называемых низших сословий, не скрывавшие своих симпатий «к товарищам финским рабочим и крестьянам». И теперь власти опасались того, что «рюссы» (русские) дадут оружие местной Красной Гвардии – тогда хорошо вооруженный отряд красных мог «быстро изменить ситуацию в городе в свою пользу».

Пограничники занимали подворье Валаамского монастыря, здесь был и штаб, и казарма, и оружейный арсенал.

Обстановка между тем накалялась. 20 февраля стало известно, что из Выборга в направлении Сортавала выступил отряд Красной Гвардии. Власти решили встретить красных на дальних подступах к городу и отправили туда 55 милиционеров. В самом городе сил для поддержания порядка осталось немного. Верные муниципалитету горожане стали еще пристальней следить и за «своими» красными, и за русскими пограничниками. И вот 23 февраля заметили, что с вечерним поездом русские получили какой-то груз – ящики – и повезли их на монастырское подворье. Милицеские информаторы выяснили, что в ящиках было оружие, много оружия! Ответ на вопрос: зачем пограничникам потребовалась новая партия винтовок и наганов, напрашивался сам собой. Чтобы не допустить передачи оружия красным, милицеское начальство сыграло тревогу и объявило общий сбор.

С оружием наизготовку вся сортавальская милиция – за исключением тех, кто стоял на Выборгской дороге – вышла к стенам монастырского подворья. Через парламентариев «предъявили ультиматум»: от русских потребовали «дать слово, чтобы они не передавали оружие» рабочему Совету. Командир-пограничник «ультиматум принял», пообещал оружие не передавать и попросил «снять осаду». Милиционеры, довольные тем, что вопрос решился миром, «отступили от стен подворья».

Из воспоминаний участника событий, выступавшего на стороне белых (пер. с финск. наш. – Авт.):

«Многие милиционеры сильно сомневались, можно ли верить русским на слово... Сомнения усилились, когда мы заметили, что под покровом темноты руководители красных, минуя милиционеров, несущих вахту у подворья, время от времени пробирались к солдатам – и это несмотря на то, что и сами красные давали слово не связываться с русскими и их оружием. Становилось ясно, что русские все-таки хотели раздать красным оружие...».

Обсудив ситуацию, милиционеры решили, что мешкать нельзя – надо брать подворье штурмом и теми силами, какие имеются в наличии. Пока думали, как действовать, русские, «тоже не спавшие той ночью», сами пришли к штабу финской милиции. Шесть солдат с офицером во главе предупредительно постучались в двери: «Господа, Вы арестованы». Но едва командир пограничников успел это сказать, как в бок ему уперся ствол револьвера, вслед за ним милиционеры скрутили и разоружили остальных русских. Позднее участник событий с финской стороны рассказывал репортеру местной газеты «Laatokka» о том, что милиционеры «не дремали и бросились на солдат» и что все было сделано «в одно мгновение».

И снова – сбор и марш на подворье. Угрожая револьвером, пленного русского заставили отдать приказ своим, чтобы те бросили оружие. Пограничники-часовые попытались было вступить в переговоры, но почувствовали, что финны настроены решительно и не стали рисковать жизнью товарища. В итоге весь арсенал и снаряжение пограничников, хранившиеся на подворье, достались сортавальской милиции. А это ни много ни мало 200 винтовок, 70 тысяч патронов, полевые кухни и другое имущество.

Пограничников держали под домашним арестом, на что, кстати, никто из них не жаловался, а потом – в соответствии с прежними российско-финляндскими договоренностями – отправили домой в Россию.

Захват подворья окончательно решил вопрос о власти в городе. Что касается оружия и боеприпасов, ими поделились с милицейскими формированиями соседних волостей. Сотня вновь вооруженных бойцов отправилась на помощь Белой Гвардии, чтобы сообща отвоевать у красных город Йоенсуу, к северу от Сортавала. Белые, воодушевленные победой, телеграфировали во все населенные пункты финляндского Приладожья: «Карелия ждет, чтобы ее мужчины освободили страну от анархии».

Монахи валаамского подворья участия в этих событиях не принимали, а тихо сидели по кельям, но всё знали и всё слышали. По свидетельству очевидца, именно они-то и сообщили милиционерам-победителям, что тайный сговор финских красногвардейцев с русскими пограничниками об оружии действительно «имел место».

...Большое количество пленных красногвардейцев и разоруженных русских солдат – вот что стало проблемой, с которой после окончания боёв столкнулась Белая армия. В конце февраля 1918 года только в Сортавала их насчитывалось до 500 человек. В ходе военных действий русских небольшими группами отправляли на родину. Внутреннего врага – красных финнов – ожидало беспощадное наказание. Их помещали в концентрационные лагеря, оставляя без пищи, медикаментов, связи с родными, подвергали допросам и пыткам. Одним из таких трагических мест и был тот отдаленный скит в южной части Валаамского архипелага, на Емельяновой острове. Первую группу пленных финнов заслали туда по весне...

Фрагменты книги: И. А. Смирновой, О. А. Ярового. «Валаам: под флагом Финляндии.» - Петрозаводск, 2001 г. (в редакции 2010 г.)
предоставлен турагентством «Валаам» ИП Смирновой И.А.
Текст книги (с сокращениями) см. на сайте: www.sortavala.ru

*фотографии к публикациям из книги
"Punamustavalkea 1918 kuvat", Helsinki, "Avain".*

Густав Адам Банер

В первом номере Альманаха “Сердоболь”, в статье “Погост, деревня, графство, город” мы упомянули о том, что одним из первых владельцев земель Северного Приладожья был шведский граф, Густав Адам Банер. Его судьба, биография, родословная до сих пор не была известна российскому читателю. Редакции журнала лишь в этом году удалось найти книгу Сильвана Нильса, изданную в Упсала в 1988 году, содержащую полные и подробные сведения о жизни и деятельности Банера. Впервые эти материалы о сортавальском графе публикуются на русском языке на страницах нашего издания.

Сегодня мой компьютер был явно не в духе. Наверное, скорость, с которой я требовала ответа, непосильна была даже ему. Вот и сейчас страница о родословной Марии Скютте «зависла», и я не могла уйти с нее, чтобы начать поиск информации о короле Швеции Густаве II Адольфе. Вообще-то мне нужен был не сам король, а его верный подданный, лучший генерал армии его Величества Йохан Банер. Да и он не главный герой моих поисков, а его сын Банер Густав Адам. Именно ему королева Кристина даровала титул графа провинции и города Сордавала в 1652 году.

В моей славянской была и толика шведской крови, благодаря бабушке Ауруре Матильде Флёт. Модные сегодня поиски голубых кровей меня не интересовали, в фамилии Банер и Флёт не совпала ни одна буква, так что родственниками мы не были. Но я родилась и выросла в городе, который в 17 веке был подарен этому самому Банеру.

За окном тихо падал снег, я представила, как такой же зимней ночью покидала родные берега графиня Мария Скютте, вторая жена, а ныне вдова Густава Адама Банера. Ах, этот Адам! Какую яркую жизнь, полную взлетов и падений, опасностей и авантур прожил он, герой своего времени. И двадцать лет рядом с ним была его верная и любимая Мария. И вот теперь, после смерти мужа едет графиня в поместье Берсон в Ливонию, которое пожаловал ей Карл XI в качестве резиденции вдовы высокопоставленного лица. Без мужа, без детей, которыми её Господь не наградил, без денег ей предстоит прожить еще двадцать долгих и тяжелых лет.

Переправившись на корабле на материк, Мария Сютте продолжала свой невеселый путь в Ливонию. Её экипаж двигался вместе с караваном купцов - так было безопаснее и спокойнее.

К началу XVII века почти все дороги Европы стали мощеными, через реки были построены мосты. Это уже были не те дороги, о которых современники с усмешкой говорили, что они устраивают только кузнецов и врачей. Через каждые 25 километров находился постоялый двор, где можно накормить коней, подкрепиться самому и переночевать. Двор, который привлекал путешественников сверкающим позолотой гербом, назывался «Райская птица». Хозяин, разглядев в гостях благородных людей, дружелюбно встретил их и провел в зал. Мария сразу подошла к камину, украшенному орнаментом и изразцами. На полках блестела начищенная до блеска медная посуда. Пока графиня отогревалась, накрыли на стол. Подали пивной суп «Елеброд», отварную селёдку со специями, кровяную колбасу, черничный пирог и кофе. Когда ужин закончился и мужчины остались с хозяином, чтобы рассказать ему о последних новостях, графиня ушла в спальню, которую ей, благородной гостье, уступил хозяин.

Мария легла на мягкую постель, с удовольствием вытянувшись на перине. Тело её отдыхало, а вот на душе было тоскливо. Она долго не могла уснуть, постоянно вспоминала свою жизнь и думала о судьбе мужа, чьей жизнью распоряжалась капризная и ветреная Фортунa.

Дед Густава Адама был казнен по приказу короля Карла XI в 1600г. Отец его, Йохан Банер, с раннего детства стал добрым другом сына Карла XI, будущего короля Швеции Густава II Адольфа. Сразу после своей коронации Густав Адольф реабилитировал род Банеров. Когда же король вступил в Тридцатилетнюю войну в 1630 году, Йохан Банер сопровождал своего монарха на поле сражения в качестве одного из генералов. Осенью того же года жена Банера, Катарина Элизабет фон Пфюэл, присоединилась к своему мужу. В те времена офицеры брали на поля сражений свои семьи. И именно в полевых условиях в середине августа 1631 года у них родился сын Густав Адам. Семья Йохана Банера пережила с ним вместе все испытания и несчастья, которые приносит военная жизнь в чужой и враждебной стране. Что-то, видно, произошло на небе со звездами, если они расположились так, чтобы мальчику была уготована непростая судьба.

Да и могло ли быть иначе в Европе, растерзанной враждующими сторонами. Неизбежные спутники войны, эпидемии холеры, сыпного тифа, дизентерии, косили солдат, не разбирая правых и виноватых. Мирное население страдало еще и от мародерства солдат.

Мальчику едва исполнилось пять лет, когда его мать умерла. После её смерти отец женился на верной подруге Катарины, графине Элизабет Юлиане фон Лёвенштайн и удочерил её дочь Марку Кристиану. Свадьбу сыграли прямо в лагере в суровых условиях войны. Но через четыре года Элизабет умирает, оставив Йохана с тремя детьми. Поразмыслив, отец отправил Густава Адама и двух его сестёр в Швецию, под опеку родственника Габриэля. А сам продолжил служить интересам своего короля и Швеции. В кровавой битве при Лютцене войска Римской империи потеряли до 3000 убитых, шведы 1500 убитых и раненых, включая короля Густава II Адольфа, который скончался от ран 16 ноября 1632 года. Йохан Банер, которого любили и уважали солдаты, дослужился до фельдмаршала. 10 мая 1641 года лучший генерал Генриха Адольфа умер.

Судьба мальчика теперь всецело находилась в руках родовитых родственников и короля. Как любому аристократу, Густаву Адаму предстояла королевская или государственная служба, и было сделано всё возможное, чтобы сын Йохана Банера получил достойное воспитание и образование в духе традиций Возрождения.

Наступило утро. Мария Сютте продолжала свой путь. Отдохнувшие кони резво бежали по дороге. Под монотонный стук колес Мария задремала, и словно наяву увидела свою первую встречу с молодым Банером. Она стояла в саду возле королевского дворца, когда туда же на полном скаку влетел на коне юный Густав Адам. Молодые люди встретились глазами, и Мария сразу разгадала в нём бешеный темперамент. Как потом и оказалось, Банер был своевольным и упрямым человеком, с неуравновешенным характером. В минуты раздражительности или депрессии он становился жестоким, терял контроль над собой, взрывался и оскорблял окружающих, иногда даже пускал в ход меч. Но, в момент первой встречи, Мария была покорена молодым и красивым графом Густавом Адамом Банером.

Мария порылась в сумочке и достала миниатюрный портрет мужа. Он глядел на нее с портрета огромными, как море, глазами, в которых она утонула сразу и без сожаления. Над верхней губой были узенькие усы «шевалье» - признак аристократизма. Их изобрел король Людовиг XIII, самолично побрив однажды всех офицеров в казарме. На парчовой ленте-перевязи через правое плечо висела шпага, её эфес был богато украшен драгоценными камнями. В правой руке молодой граф держал модную трость. Длинные волосы, гладкие сверху и накрученные пышными локонами книзу, придавали её владельцу и мужественный, и романтический вид. Одежда Густава была модного красного и бледно-голубого тона. Мария знала, как любили мужчины выбирать тон одежды в честь дамы сердца. Но кем была она

сама, дама сердца молодого шведского аристократа? Может, жгучая итальянка, покорила холодное сердце северного викинга? Когда Мария и Густав Адам познакомились, он много рассказывал о своей учебе. До 13 лет юного Банера обучал гувернёр, после его отправили в академию в Упсала, в сопровождении наставника, учителя, двух пажей, двух конюхов и собак. Учился Густав отлично, но всё его внимание было приковано, по большей части, к личным лошадям, собакам и птицам. В 1648 году Банер завершил обучение в университете, изучив латинский и немецкий языки, историю и государство, а на следующий год, под руководством немецкого наставника Рудольфа Штрауха, отправился за границу. Следуя моде, многие аристократы XVII века отправляли своих детей обучаться в другую страну.

Эта поездка длилась почти четыре года. Самым длительным было пребывание в Италии. Там, в университете Падуи он изучал языки и юриспруденцию. В Риме - военное дело и архитектуру, во Флоренции обучался верховой езде, а в Венеции молодой Банер был приглашен ко двору, позднее и к императорскому двору в Вене, куда он прибыл в начале 1652 года. Именно там он узнал, что королева Кристина дарова-

ла ему титул графа и земли в Карелии. Да, её Густав Адам Банер несомненно был одним из образованнейших людей своего времени, наделенный достоинствами, среди которых скромность была не последним. Мария верила, что только резкие повороты судьбы испортили характер любимого ею Густава.

В тот яркий миг их встречи Густав только что вернулся в Швецию из-за границы. Адаму Банеру было всего 21 год, когда королева даровала ему титул лорда и назначила камергером двора ее королевского величества. А год спустя, после отречения королевы от власти в 1654, король Карл X Густав взял молодого Банера к себе на службу и вскоре назначил полковником в собственный кавалерийский полк королевы Эдвиги Элеаноры.

Банер не любил вспоминать своё участие в войнах с Польшей и Данией. Эти военные кампании не были благоприятными для его карьеры. Во время польской войны он даже вызвал гнев короля требованием разрешить ему вернуться домой посреди боевых сражений, для упорядочения своих частных дел. Это стоило ему достигнутого положения в обществе. Однако, когда после некоторого пребывания дома Густав вновь предложил свои услуги королю, он тут же был прощён и назначен в Шведский дворянский полк в звании полковника.

Во время войны с Данией Густав Адам вновь навлек на себя гнев короля, не выполнив его письменных приказов, что расценивалось как оскорбление короля и государственное преступление. Он был взят под стражу, подвергнут военному суду и приговорен к десяти месяцам тюремного заключения. Было ясно, что его оскорбление королю не было расценено, как слишком серьезное. И снова положение Густава меняется после смерти короля и по возвращении к власти королевы. Банера назначили полковником личной охраны и, спустя четыре года, шталмейстером.

Мария вздохнула, вспомнив, как был потерян пост шталмейстера. И причиной была не война, не дворцовые интриги, а она - Мария Скютте, а точнее их с Густавом незаконная любовь. Ах, зачем он женился на Катарине Лиллие, дочери фельдмаршала Акселя Лиллие, да к тому же брата по оружию своего отца Йохана Банера! Семейство то ещё!

Выдали дочь замуж за человека, в финансовой состоятельности которого сильно сомневались, а уж в его умение распоряжаться финансами и вовсе не верили. В своей подозрительности они зашли слишком далеко! За Банером даже установили наблюдение, и, что оскорбительнее всего, ему было отказано во владении приданым жены. А и было-то это приданое с гулькин нос, как в ярости говорил сам Густав. Да на него и купить-то можно было не больше, чем пятнадцать литров хогландского вина, известного своим не слишком хорошим качеством. Ну кто бы из благородных людей съёс такое! И хотя все боялись острого языка Банера, многие считали его мастером оскорблений и клеветы. Густав Адам покинул дом Лиллиев в Стокгольме и переехал в свой собственный в старом городе. Так что вряд ли можно назвать этот брак счастливым.

Возможно, Мария хотела ещё раз убедить себя в праве любить чужого мужа и жить с ним так, будто они законные супруги. В конце концов, это вылилось в скандал. Не дремлющий Государственный Совет запретил связь двух любовников и потребовал восстановления брачных отношений между Густавом и Катариной.

И сейчас, после двадцати лет Мария Скютте со слезами на глазах вспоминала, как яростно боролся Густав за нее. Да, он был своевольным с детских лет, не терпел никакого диктата и насилия над своими желаниями, и восстал против Государственного Совета! Как горячо он убеждал Марию в необходимости бежать в континентальную Европу, переждать там общественное возмущение и выиграть время. И она покорила его воле. Молодые авантюристы бегут, потом решают вернуться. И тут приходит известие о смерти супруги Банера. Меч правосудия всё ещё висит над Густавом. Выход один — немедленно жениться на Марии. Если Банер принимал решение, остановить его было невозможно. Мария переодевается в мужское платье и вместе с Густавом Адамом галопом мчится к месту тайного бракосочетания — деревенскому дому, где пьяный старый священник обвенчал беглецов за закрытыми дверями. Так Мария Скютте стала графиней Банер. А за своё своеволие и непокорность Банер был лишен поста шталмейстера. Потеря важной должности и изгнание из числа придворных нанесло ему сильный удар, и он не думал ни о чем другом, кроме того, чтобы вернуть себе былое положение.

Как дворянин, Банер был не просто слугой короля, но и крупным землевладельцем в Швеции, в провинциях Балтии, где у него были поместья и замки, а также в Карелии. Уже по возвращении из дальних странствий Густаву Адаму пришлось обратить внимание на оставленное ему наследство. Он обнаружил, что вся документация, касающаяся его собственности, находится в беспорядке и содержит массу ошибок и неточностей. Путешествие за границу стоили ему больших денег, и он влез в долги. А по возвращении домой оказалось, что его финансовое положение не столь хорошо, как он рассчитывал. Доход от поместий имел главным образом натуральный характер и лишь в незначительной степени — в виде денег.

Сколько помнила себя Мария, мужу приходилось отстаивать право на наследство в судах, или самому улаживать отношения с кредиторами. Череду судебных тяжб между родственниками была бесконечна. Члены семьи Банер, бравшие деньги еще у отца Густава, сами были в затруднительной финансовой ситуации и не могли вернуть долги наследнику. Конечно, из провинции семья получала не мало, но денег не хватало. Вот и новое владение в Сордавала только начинало заселяться финнами. И выполняло функцию укрепленного военного гарни-

зона для войны с Россией, которая в 17 веке, по сути, не прекращалась. Из провинции Сордавала везли в Стокгольм мясо лесных зверей, рыбу, ягоды, пушнину. Вozy эти ждали с нетерпением, но, к сожалению, денег почти не было.

Эпоха, в которую жил Густав Адам Баннер, слыла переходной, когда натуральное хозяйство еще только сменялось денежными отношениями, поэтому у аристократии в целом всегда был дефицит наличных средств. Дворяне всё еще имели сильную позицию в обществе, и граф Банер должен был как-то сохранить этот статус. Как слуга короны, он получал жалованье, однако и само государство испытывало финансовые затруднения, поэтому плату подданных постоянно сокращали, чтобы покрыть самые жизненно необходимые расходы.

Тем временем Густав Адам всё глубже увязал в долгах и был вынужден закладывать свою собственность с целью получения денег. Торговцы, поставлявшие все необходимое для содержания его хозяйства, вынуждены были ждать оплаты годами.

Как только к власти пришел Карл XI, коронованный в 1672 году, вокруг его трона началась борьба за благосклонность монарха. Мастер интриг, Банер воспользовался ситуацией и в результате был назначен генерал-губернатором Ингерманландии. Но и на этом посту он пробыл недолго. Между Банером и его предшественником Йоханом Якобом Таубе возникли разногласия. Таубе обвинил Банера в нарушении интересов шведского короля. Для выяснения истинного положения дел была назначена комиссия. Примирение сторон состоялось, но положение Банера пошатнулось.

Последние годы жизни Густава были полны забот. Он так никогда и не смог выпутаться из финансовых проблем, и та его собственность, которая еще не была заложена или продана, отошла к короне. В 1681, в год его смерти, земли Банера и город Сордавала были возвращены государству. Однако имущества Густава Адама и близко не хватило бы для покрытия долгов, обозначавшихся шестизначными цифрами и в серебряных, и в медных далерах.

Наконец въехали в Ливонию. Вот и поместье Берсона. На пороге дома новую хозяйку приветствовали несколько слуг. Мария обошла дом и приказала повесить парадный портрет мужа в гостиной. Он снова был с ней, её Густав Адам Банер. Он прожил так, как смог и как умел, и Мария не держала зла на мужа за то, что на старости лет она оказалась, в общем-то, в чужой стране, без детей и денежных средств. Время было такое: эпоха перемен прекрасна новыми проявлениями и страшна равнодушием и жестокостью к тем, кто в эти перемены не вписался. И дорога новой эпохи была усыпана поверженными судьбами.

Мария пережила мужа на двадцать лет. И все это время она яростно отбивалась от кредиторов, добивалась возвращения бывшей собственности, которая могла бы дать возможность хоть как-то существовать.

Последние десять лет её жизни она тяжело болела, была прикована к постели. Умерла графиня Баннер в Рождество 1702 года в замке Грёнсо. Лишь через 6 лет, в 1708 году останки её мужа Густава Адама без всяких церемоний и почестей были захоронены в семейной усыпальнице Банеров в Риддархольмской церкви, где нашла вечный покой и Мария Скютте. Муж и жена воссоединились на небесах.

В своем воображении я прошла с Густавом Адамом и Марией весь их жизненный путь, который по мере течения времени сократился до нескольких листочков этой статьи. История моего родного города – это не только войны, революции, прогрессы. Это люди, бывшие некогда живыми, а теперь приобщившиеся к большинству. Всколыхнув прошлое, мы острее ощущаем его связь с настоящим. И на вопрос, кто владел Сортавальской землей в 17 веке, мы уже знаем ответ.

Людмила Грацианова,
на основе перевода (с англ.) Александра Изотова резюме из книги Сильвана Нильса «Я Густав Адам Баннер», Упсала 1988 г.

Иллюстрации:
стр. 12: вверху - портрет графа Г.А.Банера
внизу - фрагмент карты 17 века
стр. 14 - 15: фрагменты карт и их декора (17 век)
стр.16: герб рода Банеров.

Наталья Першина

Родилась в г.Сортавала в 1949г. в семье работников детского туберкулезного санатория (отец - Вахрушев Дмитрий Андреевич преподавал географию; мать - Ирина Васильевна, по специальности фтизиатр - рентгенолог, некоторое время занимала должность главврача). В 1966г. Наталья окончила Сортавальскую школу №1 и поступила на филологический факультет Петрозаводского Государственного Университета. После окончания работала учителем русского языка и литературы в школах Петрозаводска. Свои прозаические произведения долгое время не опубликовывала. Лишь в 2002г. журналы "Север" и "Карелия" (на финском языке) напечатали её очерк "Анатомия сиротства", повесть "Враг мой, брат мой..." и ностальгическое эссе "Сортавала, Сортавала". В последнее время работает в петрозаводских изданиях ТВР "Панорама" и "Губерния".

Враг мой, брат мой...

Они просидели в кустах почти целый день, наблюдая за стоящим на поляне домом. С низкого неба сеялся мелкий противный дождь, и жизнь в усадьбе замерла. Только несколько раз выходил, накиннув на голову рогожу, лесник, крепкий старик, заметно прихрамывавший на правую ногу. Потом, ближе к вечеру, он запряг гладкого рыжего мерина и уехал. Когда стало смеркаться, слабо засветилось окно - значит, дома кто-то остался. Осведомитель сообщил, что именно сегодня Клюкас собирался навестить лесную усадьбу - старый Масюлис приходился ему каким-то родственником и снабжал продовольствием. Кроме того, внучка Масюлиса, по слухам, была беременна именно от главаря «лесных братьев», и Клюкас с нетерпением ждал появления на свет своего наследника. Осведомитель, правда, не знал, дома ли эта беременная внучка, - говорили, что она хотела ехать в деревню рожать. Если так, то свет в доме мог зажечь только Клюкас - старик был очень подозрителен и чужого в доме не оставил бы. Тогда выходило, что лесник скоро должен был вернуться, наверное, родич отправил его в деревню с каким-то поручением. Ждать больше не имело смысла - надо было брать Клюкаса.

Уральцев обошел дом сзади, чтобы никто не смог выскочить в заднее окно. Мурзин подошел кустами поближе и, пригибаясь, стараясь, чтобы его не видно было из окон, встал под дверь и осторожно потянул себя за кованую массивную ручку. Заперто изнутри! Он дернул сильнее, слегка потряс - заложено чем-то, а дверь могучая, из крепких досок, не выбить. Тут куличком посвистел Уральцев, и Мурзин осторожно обогнул дом, выйдя на зады. Уральцев молча показал на небольшое окошко под крышей. Один ставень был чуть приоткрыт, а вдоль стены лежала довольно длинная лестница. Это было очень удачно - можно попробовать именно таким путем проникнуть в дом и

наконец-то выловить этого гада Клюкаса, которого они выслеживали не одну неделю.

Лестницу приставили к окну бесшумно, и в дом удалось проникнуть без хлопот. А вот когда стали осторожно спускаться вниз, Уральцев задел стоящее на ступеньке ведро, и оно со страшным грохотом покатило вниз. Сразу почти снизу бухнул выстрел, за ним другой. Стреляли, как определили особысты, из охотничьего ружья.

Мурзин и Уральцев сыпанули вниз в два автомата. В ответ, противно провизжав, захлопнулась неразличимая в полумраке дверь. Осторожно, стараясь не скрипеть разошедшимися ступеньками, спустились вниз. Прислушались под дверь. Тишина. Потом какое-то мяуканье и быстрые шаги. Не сговариваясь, выпустили в дверь по длинной очереди. Пули прошивали тонкие доски, отрывая острые щепки.

- Бери ниже, чтобы по ногам, чтобы живым! - возбужденно зашептал Мурзин.

И они снова ударили в дверь из автоматов.

Несколько минут прислушивались - из-за двери не доносилось ни звука. Тогда, коротко взглянув друг на друга, резко распахнули дверь и еще раз веером рассыпали по комнатухе автоматные очереди. В ответ - ничего, только опять обоим послышалось странное слабое мяуканье. Едко пахло керосином - одна из пуль продырявила жестяную лампу. Пожара не случилось, видно, потому, что лампу потушили, когда особысты обнаружили себя то ли грохотом упавшего ведра, то ли еще раньше.

В сгущающейся темноте увидели темную массу обмякшего человеческого тела, навалившегося на подвешенную к потолочной балке колыбель, из которой и раздавался слабый скулеж человеческого детеныша. Уральцев подошел к колыбели, присмотрелся и негромко ругнулся:

- Это не Клюкас! Мы бабу ненароком ухлопали...

При свете трофейного карманного фонарика они смотрели на совсем юное лицо убитой женщины, а в колыбели захлебывался плачем ребенок, которого мать, спасая от тех, кого считала врагами, прикрыла от пуль собственным телом.

- Надо уходить! - зашептал Мурзин. - Нашумели на весь лес - Клюкас наверняка услышал и теперь его ищи-свищи.

- А с этими что делать?

- А что тут делать? Старик вернется - разберётся. А нам надо ноги уносить. Не ровен час, лесные братья-посланники заявятся посмотреть, кто тут в их владениях расшумелся. Клюкас один теперь не сунется - всю свору притащит. А нам при таком раскладе не игра.

И они, осторожно сняв крюк, запиравший входную дверь, взгляделись в уже ставший совсем густым сумрак. Все было тихо, даже ветер не перебирал листья. Дождь перестал, и из-под бугра, где была речушка, наполнил клочковатый туман.

Они шли краем поляны, привычно ловя чутким ухом лесные звуки. Вдруг Уральцев остановился:

- Слушай, не могу так... Надо мальчика с собой забрать - кто знает, когда старик вернется, а ему от силы день-два всего.

- На кой тебе сдался этот бандитский выродок - самим надо ноги уносить. Не ровен час, на его папаню наткнемся - он тебе предельно доходчиво объяснит, как надо деток любить. - Мурзин вглядывался в сгустившийся сумрак, не замедляя шагов.

Но Уральцев уже почти бежал краем поляны назад к темневшему черной массой дому. В темной комнате он быстро вынул из колыбели слабо скулящего младенца, завернул во что-то, подвернувшееся под руку, и выбежал из дома. Его обдало холодом, когда в темноте он запнулся о лежащее на полу тело убитой ими женщины. Уральцев прошел всю войну, целый год гонялся за бандитами здесь, в Литве: и он убивал, и его убивали. Но тут произошло иное, немыслимое, на грани кошмара.

Уральцев, стараясь ступать бесшумно, почти бежал в черной мгле под деревьями к тому месту, где остался Мурзин.

Вдруг впереди что-то вроде ворохнулось, и Уральцев, замерев на месте, услышал страшное и хорошо знакомое бульканье, сменившееся затихающим хрипом - кому-то перерезали горло. Он похолодел, потому что, мгновенно просчитав все, понял: они таки всполошили бандюгу, и тот примчался спасать свое гнездо, налетел в кромешной тьме на Мурзина, или тот чем-то выдал свое присутствие, и убил его. Вдруг снова запищал все это время молчавший младенец, и Уральцев, уже не скрываясь, бросился бежать. Ему казалось, что сучки под его ногами не трещат, а взрываются, и он бежит по минному полю. Потом затрещали автоматы, Уральцев успел понять, что стреляют двое. Его ударило в спину, он куда-то скатился и потерял сознание.

Очнулся Уральцев, когда солнце стояло уже довольно высоко. Ребенок слабо плакал, шевелясь в

мокрой тряпке. Хоть этот-то жив, бедолага. Уральцев попробовал встать, но первое же движение отозвалось страшным болевым ударом в спину, и снова навалилось беспамятство.

Когда он снова открыл глаза, над ним был потолок. Вяло удивившись, повернул осторожно голову вправо. Окно. За ним деревья и какие-то крыши. Перекашив голову по подушке, скосил глаза в другую сторону и увидел пожилую женщину. На руках у старухи в аккуратном коконе спал ребенок.

Увидев, что Уральцев открыл глаза, старуха бережно положила младенца на лавку и подошла.

- Только из-за тебя взяла, - она ткнула узловатым пальцем в сторону лежащего на лавке тряпичного свертка. - Пусть он хоть сиротой не останется, а так оставила бы тебя валяться там, где валялся. Считаю, спас он тебя сегодня. Бронюс - активист уже понесся к вашим о тебе сообщать, выслуживается, паскуда. Так что скоро заберут тебя. Бога молю, чтобы люди не подумали, что вместе с Бронюсом вам прислуживаю. - Где вы меня нашли? - спросил Уральцев и удивился тому, как незнакомо прозвучал его голос.

Старуха, не отвечая на его вопрос, продолжала:

- Мать его, ты в бреду говорил, убили. С кем связалась, паскуда! Своего не нашла!

Бабка помолчала, сплюнула и уже спокойно сказала:

- Утром погнала корову и нашла тебя на тропе около дома. - Отошла и снова взяла на руки младенца, демонстративно повернувшись спиной к Уральцеву. Он же почти физическим усилием воли сконцентрировал сознание и стал размышлять.

Бог ведь когда еще придет за ним, а Клюкас ходит где-то совсем рядом. Дед Масюлис тоже вот-вот вернется домой и поднимет переполох. Бабка же только что сама его не пристрелит, а уж прятать от бандюганов точно не станет. Оружия рядом нет. Припрятала старая куда-нибудь, просить вернуть автомат совершенно бесполезно. В лучшем случае отдаст, когда придет за ним. А тут уж как повезет - кто скорее успеет: «лесные братья» или свои товарищи по оружию.

Раньше успели свои. Когда переносили Уральцева в машину, он снова потерял сознание но, как потом ему рассказывали товарищи, в бреду все время просил, чтобы ребенка взяли с собой. Очнувшись, он узнал, что младенца отдали в местный детский дом под его фамилией.

Когда Уральцев спустя почти два месяца пришел в приют, суровая заведующая спросила, как всё-таки зовут его дочь. Вспоминая в госпитале о ребенке Клюкаса, Уральцев почему-то не стал никому говорить, что это ребенок неуловимого «лесного брата», тем более, что друзья, регулярно навещавшие его, принесли известие, что банда Клюкаса разгромлена, а сам травленный лесной волчара ушел куда-то, сгинул бесследно.

В мыслях Уральцева о малыше все время фигурировал «он», даже имя придумано было: Саша, Александр (так проще было думать). И вдруг девчонка! Да еще и дочь называют! Хотя тут же сообразил: фамилию-то дали его, Уральцева она, дочка Бог

весть куда сбежавшего Клюкаса. Ну что же, он, Уральцев, ее осиротил, не имеет теперь права бросить одну в страшном море житейском.

- Александра она, Александра Владимировна Уральцева. - Новый вопрос заведующей снова страшно озадачил его:

- В метрику надо вписать имя матери. Что написать?

Имени убитой женщины он не знал. Да что же там писать, в этой чертовой метрике? И вдруг как в омут бросился:

- Уральцева Ирина Васильевна.

Ирке еще носить и носить, а он ее уже мамой сделал. Как ей-то всю эту свистопляску объяснять? Молоденькая жена Уральцева училась в Ленинграде на медицинском и должна была скоро приехать ненадолго. Вот уж сюрпризец он ей приготовил!

Но Ирина приехала не скоро. Она заболела, потом были преждевременные роды, и ребенок не выжил. Когда Уральцев встретил ее на вокзале в Вильнюсе, жена показалась ему худенькой несчастной девочкой, которую необходимо было защитить от всех невзгод и бед. Ночью она плакала, уткнувшись мокрым лицом в грудь Уральцева, и все повторяла:

- Проклятая война, проклятая война!

Ирина сквозь слезы поведала Уральцеву, что родить она больше не сможет. Сказался тот страшный год, который промаялась в Ленинграде, пока полуживую не вывезли ее по ладожскому льду из голодного ада.

Вскоре после этого пришел приказ о демобилизации Уральцева. Ирина к тому времени немного успокоилась, хотя маленьких детей без слез видеть не могла. Надо было собирать вещички и трогаться в родные места. Решили ехать в Петрозаводск. Мать Уральцева писала, что домик их цел, что она умудрилась даже раздобыть козу, так что молочко у них будет свое. Надо было решать, что делать с Александрой. Уральцев время от времени забегал в детский дом и видел, как подрастает девочка, удивляясь тому, что так привязался к чужому ребенку. Однажды им даже разрешили погулять, и Уральцев возил Сашу в обшарпанной коляске вокруг приюта по заросшему саду. Бросить ее в этом детском доме стало для него совершенно nonsensical. Но вот как рассказать о девочке Ирине?

Тут пришло новое письмо от матери из Петрозаводска. В конце была приписка:

«Что же не думаете, бессовестные вы люди, о детях? У всех моих товарок внуки бегают, одна я Богом обижена».

Уральцев рассказал Ирине о Саше. Она вначале как будто не поняла всего до конца, посидела молча. Потом обняла Уральцева:

- Пойдем за ней...

Уральцев так и не узнал никогда, поверила ли ему тогда жена. Никогда ни единым словом не обмолвилась Ира о том, как появилась у них Сашенька-Сашура, их единственная обожаемая дочка.

Проблем с оформлением родительских прав, коль

скоро в метрику ребенка вписали чету Уральцевых, не было. Никто никогда и не усомнился в том, что Саша - родная дочь Владимира и Ирины. Даже матери решили ничего не говорить. Знали об этом только сами родители да бывшие сослуживцы Уральцева. Но те со временем потерялись, даже переписка заглохла по прошествии пяти-шести лет. Собственно, не отдавая даже себе в этом отчета, Уральцев умышленно отдалялся от старых товарищей - боялся, что кто-нибудь проговорится о Саше.

Жили Уральцевы не хуже других: Ирина работала врачом в местном туберкулезном санатории. Сам Уральцев какое-то время прослужил домоуправом, потом окончил педагогический институт и стал преподавать в школе географию. Года через два его назначили директором. Саша росла умненькой девочкой, лет в пять как-то незаметно научилась читать, в школу бегала с удовольствием и училась очень легко. Была она в семье тем солнышком, вокруг которого и концентрировалась вся жизнь Уральцевых.

Но вот где-то в начале шестидесятых годов Уральцев вдруг узнал, что через Международный Красный Крест его разыскивает гражданин Австрии некто Юрген Клаус. Для встречи пригласили его в некое серьезное учреждение. Неулыбчивый товарищ ввел Уральцева в служебное помещение (комнатой назвать это место просто не поворачивался язык), представил поднявшемуся навстречу человеку и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Уральцев внимательно посмотрел на австрийца: нет, не встречались, да и никогда не пересекался скромный директор школы-десятилетки в провинциальном Петрозаводске с иностранными гражданами. Австрияк тоже буравил его глазами, прятавшимися под кустистыми бровями. Потом, словно вдруг очнувшись, жестом предложил садиться, сел сам.

- Прошу меня извинить, господин Уральцев, я буду говорить о событиях более чем десятилетней давности. Вы ведь служили в конце сороковых годов в Литве? - он говорил по-русски с сильным акцентом, коверкая слова, но Уральцев его хорошо понимал. Ему стало вдруг жарко, издалека надвинулось что-то страшное. Юрген Клаус, дождавшись утвердительного кивка Уральцева, продолжал:

- Я тоже был в Литве приблизительно в то же время, что и вы. Только по другую сторону баррикады. Случилось так, что я потерял семью - жену и только что родившегося ребенка. Жену мою нашли мертвой, а ребенок, девочка, исчез. Я много лет пытался выяснить его судьбу. Узнал, что старая хозяйка хутора недалеко от дома, где жила моя Марта, подобрала раненого энкеведешника с новорожденным ребенком. Потом за ними приехали солдаты. Старуха имени у русского не спросила, да и не интересовалась никогда больше его судьбой. Я узнал, что вы уехали из Литвы с маленьким ребенком, а один из ваших сослуживцев уверяет, что ребенок этот - приемный. По документам его родила ваша жена, и отцом его являетесь вы. А на самом деле?

Уральцев оттянул пальцем тугой узел галстука. Ключас! Выполз из небытия...Ну уж нет, не даст он сломать жизнь Ирине, Саше, себе самому!

- И по документам, и по жизни это моя дочь. Возможно, есть некоторое совпадения, но не более того. Вы ошиблись, господин Клаус, это не ваш ребенок.

Клаус внимательно посмотрел в лицо Уральцеву:

- Да, я вижу, что ошибся, определенно ошибся. Прошу извинить. Но я все же прошу вас, может, припомните, не рассказывал ли кто-нибудь, что в ходе операции по ликвидации отряда, которым командовал некий Ключас, был найден ребенок возле убитой матери?

- Да, что-то такое припоминаю, но, что случилось потом с этим младенцем, не знаю. Скорее всего, воспитывается где-то в детском доме. Их, знаете ли, много появилось после войны. Если кто-то не усыновил...

Уральцев никому ничего не рассказал о встрече со страшным пришельцем из прошлого. Ночью, глядя в темный потолок, перебирал он в памяти ставшие уже тусклыми воспоминания о службе в Литве, об убитой им или Мурзиным женщине (теперь он знал, что ее звали Мартой). О том, как в их с Ириной жизни появилась дочь Сашенька, как она росла, как белела. Как они воспитывали ее, и как ей нравилось быть в гуще всех событий. Совсем недавно ей исполнилось четырнадцать, и она вступила в комсомол, самая первая в классе. Ничего в ней нет от Ключаса, уверял он себя. А перед мысленным взором всплывало лицо Клауса, глаза его, того же необычного медового цвета, что и у Сашеньки. Нет у Ключаса никаких доказательств, нет! Даже в самом первом документе ребенка родителями записаны он и Ирина. Никаких следов усыновления. Только вот сослуживцы! Ну, да кое-кого уж нет в живых, кто-то и призабыл эту историю. Старуха, что тогда нашла его полумертвым, скорее всего, умерла. Нет, беспокоиться не о чем. Но все же тревога так никогда и уже и не покинула его. Тень Ключаса незримо поселилась рядом. С годами она стала совсем прозрачной и посещала Уральцева все реже, но так и не сгинула совсем.

Жизнь шла. Саша поступила на медфак университета, стала врачом, как мать. Потом вышла замуж, родила двойняшек - Мишу и Машу. Ребятки благополучно выросли, прилично окончили школу и выбрали себе модные профессии: Миша увлекся информационными технологиями, а Маша занялась экономикой. После перестройки они оба как-то ловко устроились в жизни, нашли себе дающее неплохой доход занятие. Сашин же муж (уже второй по счету) обеспечивал им юридическое, как он говорил, сопровождение. После смерти матери Сашура все настаивала, чтобы отец поселился с ними, но Уральцев был категорически против и заявил, что, пока в здравом уме и в состоянии себя обслужить, будет жить отдельно. Он был еще достаточно бодр, а чтобы занять время, с помощью внуков освоил компьютер, в котором его привлекали две вещи: возможность печатать и Интернет. Советского Союза уже не было, Литва

стала отдельным государством, и прошлое как бы перестало существовать вообще, вместе с ним умерли и страхи. Но вот однажды пришло письмо из Неменчине, маленького городка, расположенного возле Вильнюса. Внешне оно было самым обычным - голубоватый конверт из плотной бумаги, адрес подписан незнакомым почерком. Внутри - набранный на компьютере текст.

У Уральцева защемило сердце, надвинулась тягостная тревога. Нашарил на столе баночку с таблетками. Сунул одну под язык. Стал читать.

«Уральцев! Обращаюсь к тебе не по имени, потому что не товарищ ты мне и тем более не господин. Смертный враг ты мне. Ты убил мою Марту и украл мою дочь. Тогда, много лет назад, я не смог бы забрать ее - причин было много. Сейчас я тоже не могу назвать ее дочкой - она русская до мозга костей, она не примет как отца того, кто воевал против тебя, ее родителя, как она считает. Настаивая, я могу потерять все. У тебя есть родина, дочь, внуки. Я же растерял всех, кто мне был близок, и в конце жизни остался совсем один. А родину, которую ты у меня отнял, обрел снова лишь недавно. Я не хочу ломать жизнь моей дочери и ее детям, но прошу тебя вот о чем: пришли ко мне в гости моих внуков, дай посмотреть на тех, в ком кровь моя и Марты. Скажи, что получил письмо от старого товарища, и он приглашает тебя с семьей к себе. Ни о чем так не мечтаю, как о том, чтобы обнять дочь и внуков. Мы с тобой ровесники, поэтому понимаешь, как мало мне осталось жить. Ты страшно виноват передо мной - сними с себя хоть часть греха. Валдис Ключас».

Уральцев медленно сложил листок. Сам не ожидая, он почувствовал облегчение. Только сейчас он до конца осознал, как мучило его всю жизнь чувство огромной вины перед бандитом Ключасом. Да почему же бандитом? Разве он сам, Уральцев, не стал бы защищать свой дом от врагов? Разве не возненавидел бы тех, кто пришел в его монастырь со своим уставом? Снова, как будто это случилось вчера, увидел Уральцев запрокинутое мертвое лицо Марты, и его опять обдало ледяным холодом. Где гарантия того, что Марту убила не его пуля?

Нельзя простить того, что и по его вине пришлось пережить Ключасу. И прав, прав литовец в своей ненависти к нему, нельзя такое прощать. А вот договориться о мире можно. Пусть съездят ребятки в Литву - сейчас это просто. Ключас ничего им говорить не станет - зачем это сейчас, а душу свою согреет. Если уж так довелось - врагам иметь общих внуков, надо развязать этот узел безболезненно. И тут же ревнивая мысль шевельнулась в сердце «А вдруг сманит к себе Ключас детей?» Но разум заглушил ревность: «Пусть все идет своим порядком».

Анна Егоровна Киброева

“Здесь в Карелии прекрасной,
Стройные леса поднялись,
На холмах крутых, высоких
Возвышаются берёзы...”

Когда я слышу слово «сказительница» - передо мной возникает образ доброй, мудрой и немало повидавшей женщины преклонных лет. Это слово лучше всего подошло бы к бабушке, любящей, заботящейся и читающей каждый вечер новую сказку на ночь своим внукам. Я представляю, как она подходит к детям, ласково гладит их по голове, поправляет одеяло и, лишь секунду подумав, начинает: «В некотором царстве, в некотором государстве жила-была прекрасная принцесса...». Внуки слушают её внимательно, затаив дыхание, но никогда слышат окончания этой сказочной истории, потому что засыпают под мягкий и ласковый голос любимой бабушки.

История Северного Приладожья тесно переплетена со сказаниями, приданиями и рунами, часть которых вошла в знаменитый карело-финский эпос «Калевала». Сказительницы и сказители жили в наших окрестностях ещё в прошлом веке. Это были очень значимые люди, поскольку без них не обходилось ни одно важное событие – будь то свадьба, именины, крестины или проводы в мир иной. В поисках рукописцев далеко ходить не надо – достаточно ещё раз посмотреть на монумент знаменитому Петри Шемейке в самом центре Сортавала, кантелисту, жившему в окрестностях деревни Суйстамо.

Сказительнице, о которой речь пойдёт в этой статье, на данный момент, ни памятника, ни даже мемориального знака в нашем городе нет. А ведь она проживала в Сортавала с 1949 по 1980 год и всю свою жизнь пела, сочиняла песни и помнила очень много народных сказок, плачей и преданий.

Анна Егоровна Киброева родилась в 1888 году в деревне Паппила, Вешкельского уезда. В семье было три сестры, наша героиня средняя. Отец Анны был кузнецом, мастером знаменитым на всю округу. Однажды, он подковал кобылу мужчине, приехавшему из района, вернулся домой, пообедал, лёг отдохнуть и, неожиданно для всех, умер. Ане было всего 16 лет. На её матери и сёстрах осталось хозяйство, лошади, корова и дом. «Без мужских рук нам всё это не потянуть» - решила семья и приготовилась выдать дочерей замуж. В то время, в соседней деревне Кибройла, в многодетной семье Киброевых остался один не женатый сын Василий. Его старшему и среднему братьям родители построили по дому, третий брат женился и ему достался второй этаж, младшему - первый, а четвёртого брата забрали в армию. Узнав о том, что в 6 км от него есть завидная невеста, да 8 на

лет моложе, Василий отправился в Вешкелицу на поклон к матери Анны Егоровны. Молодые благословение получили и вскоре сыграли свадьбу. В тот же год вновь испечённого супруга, ещё не привыкшего к новому семейному положению, забрали в армию.

Через 3 года он вернулся, 12 месяцев прожили Анна с Василием в любви и согласии, родили сына Лёню, и... началась германская война. Василия мобилизовали и отправили на фронт. Практически сразу он попал в плен, в котором пробыл 4 года. Вернулся в родные земли молодой супруг лишь в 1918, его сын к тому времени уже умер. Дочь Анны и Василия Мария вспоминала рассказы отца о немецком плену: «Хозяева относились к нам хорошо, кормили сытно. Вот только хлеба полагалось всего 100 грамм. А я, как настоящий северянин, привык съедать его хотя бы полкило за обедом. Поэтому постоянно чувствовал голод и вскоре даже начал падать в обморок. После того, как я в третий раз на общем построении потерял сознание, меня положили в санчасть, а по выписке отправили к другим хозяевам. У тех режим работы был очень чёткий. Даже если вовремя распила бревна звонил колокол, и звал на обед, мы бросали недоделанную работу и шли есть. Та же история повторялась и в конце рабочего дня - распорядок был прежде всего. Однажды хозяин привёл меня в погреб, где хранились бочки с разнообразным вином – яблочным, виноградным, сливовым – и сказал, что я могу приходить перед обедом и пить сколько захочу. Добрые были люди, хорошие».

Через год после возвращения супруга, 10 ноября, Анна родила второго сына Ивана. Всего же у семьи Киброевых в разное время родилось 8 детей – 4 девочки и 4 мальчика, шестеро из них умерло в младенчестве. Иван пропал без вести в Великую Отечественную, и лишь Мария Васильевна здравствует и поныне.

Один из её сыновей родился очень слабым, болезненным. В возрасте около двух недель мать Анны Егоровны Василиса надоумила дочь сходить к приходскому священнику, окрестить сына. Дом батюшки находился неподалёку, службу выполнили по всем правилам, а после, когда сели пить праздничный кофе с калитками, ребёнок умер. Его сразу же и отпели...

Следом за семейными несчастьями пришла коллективизация. Киброевы сразу в колхоз не пошли. Анна сказала мужу: «Василий, давай продадим корову, съездишь в Петрозаводск, купишь доски, обошьём дом». А он ответил: «Анна, дом обошьёшь – в Сибирь сыграешь». Их, как «зажиточных» стали облагать большим налогом, семья не выдержала такой материальной нагрузки и сдалась. В 1932 году колхоз принял от Киброевых целое хозяйство – трёх лошадей, включая рысака и рабочую лошадку, трёх коров и быка производителя. Во время образования в Вешкелице сельсовета Анне Егоровне не единожды предлагали его возглавить, поскольку она закончила 3 класса церковно-приходской школы и была грамотная, что в то время на селе являлось редкостью. Но она отвечала: «Никуда я не пойду! Лучше буду работать в колхозе, и смотреть в попу лошади, чем перебирать бумаги и нести ответственность за людей». Оплатой за такую тяжёлую работу в те годы было немного мякины и участок в 25 соток на пятерых человек (на Василия с женой, тёщей и двумя детьми).

1916 год, Петрозаводск.
Анна Егоровна (слева) с сёстрами и племянницей.

Вот казалась бы – жизнь-то не из лёгких, когда же петь, сказки сказывать да руны сочинять? Видимо, в сутках у людей начала 20 века было больше 24 часов... «Петь руны я научилась сызмальства, – говорила Анна Егоровна в одном из интервью – моя мать, Василиса Попова, часто пела эпические песни и причитания на свадьбах и других обрядах по просьбе односельчан. Сочинять песни на современную тематику я научилась сама». Мария Васильевна поведала мне о том, что и её отец, Василий Степанович, несмотря на то, что грамотным не был, много сказок знал и часто они с матерью их наперебой детям рассказывали. А бывало, и так – придут односельчане и говорят: «Анна Егоровна, давай сказки рассказывай!». И она долго и интересно вещала, а все её с упоением слушали. В 1939 Анну Егоровну пригласили на съезд сказителей, посвящённый 100-летию Калевалы, в Петрозаводск. Там же ей подарили собрание книг «Сказки Матвея Коргуева». По воспоминаниям дочери, всё лето во время белых ночей вешкельская сказительница садилась к окну и подолгу читала эти книги, и даже зрение себе испортила таким образом.

В июне 1941 началась война. В июле семья Киброевых уже эвакуировалась. Как вспоминает Мария Васильевна: «Это было ранним утром, в воскресный день. Все уже успели выгнать скот на пастбища и сели пить кофе с калитками. Как вдруг к нам в дом начали стучаться и говорить о том, что нужно срочно забирать с собой корову и уезжать из посёлка в Петрозаводск. Но, напрямую нельзя – там уже десант, только вкруговую – а это расстояние в два раза больше. Пешком, на машинах и повозках к 19 августа люди добрались до Спасской Губы. Был праздник, Спасов день, народу на улицах стояло много. Внезапно в небе кто-то заметил три самолёта и крикнул «Наши!». Но, по их приближению, мы по гулу поняли, что не наши. И в это время из самолётов прямо на людей полетели 5 бомб, 4 попали на дорогу, одна в озеро. 60 эвакуированных человек в тот день пали жертвами бомбёжки. Я видела, как наш сосед по Вешкелице сидел рядом со своим свояком, курил, и от взрыва ему тут же разорвало весь живот, а свояк остался жив и здоров. После этого комсомольцы, с повязками на руках, собирали погибших и на завтра похоронили их всех в одной большой могиле». В тот печальный день в дом переночевать беженцев никто не пустил, и они устроились на сеновале. А на следующий день уже пешком отправились дальше и к декабрю дошли до Вытегры. Там всех, оставшихся в живых, посадили на баржу, и целый месяц люди плыли по холодным рекам до Красноярска. 7 января 1942 года столица Сибири встретила их сильными морозами. Семью Киброевых – Василия, Анну и Марию (Иван был призван в армию в 20 летнем возрасте) отправили в Лебяжье, в посёлок в 560 км от Красноярска. Их поселили в лесхозе, в бараке в 12 км от села. В тех местах жили, в основном, заключённые. К физическому труду вешкельцам было не привыкать. Здоровье, благо, дано от природы. Поэтому работы в эвакуации они не боялись, за что им платили не плохую зарплату. Но, в 1944 году Василий Степанович умер, и в начале лета Анна Егоровна с дочерью покинули Красноярский край. Через некоторое время Мария услышала по радио, что Кюрентсельгу (недалеко от Вешкелицы)

151. ДЕВУШКА ЖДЕТ НЕЛЮБИМОГО ЖЕНИХА

Itköy neiçoi, ilavuttau,
 Kirjavile kivyizile,
 Kaunehele kallivoizel.
 „Toivozin ku toivozin
 5 Tuattoni tulevan,
 Azuzin sildaizen sinizen,
 Selgoipuile seizattazin,
 Pačaspuile panettazin,
 Kullan keskel kuvottazin,
 10 Hobjat rannoil valattazin;
 Ostazin oršoin suas rublas,
 Piiterin pystykabjan,
 Sordavalan suorahännän,
 Viiburin liinuharjan,
 15 Sen seizatan sillan korvah,
 Kuldusuičet, kuldupäičet,
 Kulduloimi landehil!“
 Itköy neiçoi, ilavuttau,
 Kirjavile kivyizile,
 20 Kaunehele kallivoizel.
 „Toivozin ku toivozin
 Muamoni tulevan,
 Azuzin sildaizen sinizen,
 Selgoipuile seizattazin,
 25 Pačaspuile panettazin,
 Kullan keskel kuvottazin,
 Hobjat rannoil valattazin;
 Ostazin oršoin suas rublas
 Piiterin pystykabjan,
 30 Sordavalan suorahännän,
 Viiburin liinuharjan,
 Sen seizatan sillan korvah,
 Kuldusuičet, kuldupäičet,
 Kulduloimi landehil!“
 35 Itköy neiçoi, ilavuttau,
 Kirjavile kivyizile,
 Kaunehele kallivoizel:
 „Toivozin ku toivozin
 Sulhoini tulevan,
 40 Azuzin sillan lahoksizen,
 Selgoipuitta seizattazin,
 Pačaspuitta panettazin,
 Rogožan keskel kuvottazin,
 Ollet rannal azettazin;
 45 Ottazin kondiehuon korves,
 Olgisuičet, olgipäičet,
 Olgiloimi landehile!“

Плачет девушка, приговаривает
 На пестрых камешках,
 На прекрасных скалах:
 „Если бы я надеялась да ждала,
 5 Что приедет мой батюшка,
 Я построила бы синий мостик,
 Настелила бы его на перекладины,
 Поставила бы мостик на столбы,
 Посыпала бы его золотом,
 10 Края залила бы серебром;
 Купила бы жеребца за сто рублей,
 Питерского, с прямыми копытами,
 Сортавальского, с прямым хвостом,
 Выборгского, с гривой, как конопля,
 15 Поставила бы его у края моста,
 Золотой недоуздок, золотая узда,
 Золотая шлея на спине!“
 Плачет девушка, приговаривает
 На пестрых камешках,
 20 На прекрасных скалах:
 „Если бы я надеялась да ждала,
 Что придет моя матушка,
 Я построила бы синий мостик,
 Настелила бы его на перекладины,
 25 Поставила бы мостик на столбы,
 Посыпала бы его золотом,
 Края серебром залила бы;
 Купила бы жеребца за сто рублей,
 Питерского, с прямыми копытами,
 30 Сортавальского, с прямым хвостом,
 Выборгского, с гривой, как конопля,
 Поставила бы его у края моста,
 Золотой недоуздок, золотая узда,
 Золотая шлея на спине!“
 35 Плачет девушка, приговаривает
 На пестрых камешках,
 На прекрасных скалах:
 „Если бы я надеялась да ждала,
 Что приедет мой жених,
 40 Я построила бы мост из плах,
 Без перекладин настелила бы его,
 Без столбов мост поставила бы,
 Посредине рогожу разостлала бы,
 По краям солому поставила бы;
 45 Взяла бы медвежонка из чащи,
 Соломенный недоуздок, соломенная узда,
 Соломенная шлея на спине!“

на фотоверху: 1939 год, г.Петрозаводск. Анна Егоровна в центре, на съезде сказителей.

на фото внизу: Анна Егоровна с дочерью, зятем, тремя внуками и родственницей. 1959 год, Сортавала.

освободили. Они сразу же написали письмо в Беломорск (там, в военное время, находилось правительство КАССР) о том, что хотят вернуться домой. И очень скоро получили ответ: «Приезжайте!».

На родине Анна Егоровна сразу же возвратилась на работу в колхоз, им выделили 2 сотки пшеничного поля для личного использования. Мария устроилась в сельсовет налоговым агентом, т.к. оставшееся у селян, бывших в оккупации, хозяйство обложили налогом и для его сбора нужен был человек молодой, энергичный и грамотный. Через год дочери сказительницы предложили перевестись в Пряжу. Она отказалась, но когда ей предъявили приказ о переводе (поскольку время было послевоенным и за невыполнение приказа могли посадить в тюрьму), поехала.

В ноябре 1945 Марию перевели на работу в недавно освободившийся город Сортавала. Через два года она вышла замуж за военного и ещё через год родила первенца. Декретный отпуск в 1948 составлял всего лишь 56 дней, по истечении которых молодая мать должна была «вновь вернуться в трудовой строй». Поскольку оба родителя работали, сидеть с новорождённым пригласили бабушку, Анну Егоровну. В 1949 она в продала корову и переехала из Вешкелицы в Сортавала. Семья поселилась в маленькой 12 метровой квартире, на чердаке дома по улице Советской, рядом с бывшей Учительской семинарией. В 1961, когда у Анны Егоровны было уже трое внуков, им дали квартиру на Матросова, а ещё через 10 лет на Садовой, напротив церкви. Здесь сказительница и доживала свои годы. По словам дочери, Анна Егоровна была очень набожна: пела в церковном хоре, регулярно посещала храм, по православным праздникам надевала самую лучшую одежду и до конца своих дней соблюдала все посты. В 1980, в возрасте 92 лет Анна Егоровна покинула этот мир. Её похоронили на кладбище в Сортавала.

На родине сказительницы, в школе села Вешкелица была создана экспозиция, посвящённая жизни и творчеству Киброевой. В архиве Музея Северного Приладожья хранятся кассеты с магнитофонными записями её плачей, сделанные Т.А.Хаккарайненем. В 1950 году вышла академическая книга «Карельские эпические песни», куда вошли руны и сказания Анны Егоровны. Совсем недавно вешкельцами создана страничка на сайте, фото в газете «Красное Знамя» также повествующая о творческом пути Киброевой.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Ещё 5 лет назад Владимир Судakov в своей статье о Киброевой предложил «её высокое имя вписать в культуру, пусть туристы удивляются-гордятся ею и будут благодарны нам, о ней не забывшим». Но, ни памятной таблички, ни мемориального знака в Сортавала до сих пор нет.

По моим личным ощущениям, лучшей памятью о жизнедеятельности Киброевой станет возрождение и продолжение традиций песенного, народного устного фольклора. Организация ежегодного песенного праздника, её имени. Оцифровка плачей и песен, хранящихся в музее, и издание этого материала на CD диске. Возможно, именно тогда в наши жизни и семьи вернётся хорошая и добрая традиция – рассказывать и слушать сказки.

Светлана Махоней,
на основе интервью с Марией Васильевной Киброевой,
все фотографии из её личного архива.

Александр Ахола - Вало

В 2010 году исполнилось 110 лет со Дня рождения выдающейся личности - финско-шведско-белорусско-русского художника Александра Ахола-Вало.

Он прожил долгую и насыщенную жизнь и оставил после себя невероятных размеров архив, сотни воплощённых идей, тысячи художественных произведений и яркий след в истории четырёх стран. Удивительно, но Ахола-Вало удалось встретиться с самыми великими людьми 20 столетия, принять участие в Октябрьской революции, осуществить множество проектов и даже разработать целую науку по «совершенствованию» человека. Кто бы мог подумать, что такая невероятная судьба ждёт мальчишку родившегося 27 января 1900 года в посёлке Импилахти Сердобольского уезда?!

Забытый гений.

Детство и просвещение.

Его отец - финский писатель, журналист Петери Ахола (1875 - 1919) родился в Импилахти. С 16 лет Пекка работал трубочистом. Во время Первой мировой войны, будучи солдатом, в 1915 году он оказался на Витебском вокзале, переполненном голодными беженцами, и, проводя там бессонную ночь на скамейке, долго раздумывал о «ненужности войны» - «мельницы погибели людей и добрых достижений человечества».

В Витебске Пекка, финский писатель, сочинил стихотворение, посвященное женщине, попросившей поддержать младенца, пока она на дальней скамейке кормила старших. «Сидел я здесь посреди людей одинаковой судьбы, ощущая бесконечную радость от принадлежности к ним. Забыл, что я из далекой северной Финляндии - из простуженной страны, будто бы я уже давно принадлежу к этой семье обездоленных обидой горемык». А когда женщина вернулась и поблагодарила его «на свайе мове», которая «напоминала русскую», Петери Ахола сказал ей: «Пусть ребенок побудет у меня на руках, ибо все люди - одна семья». И незнакомка уснула, положив ему голову на колено, рядом с ребенком. Потом, в поезде на Оршу, Петери Ахола долго говорил с той женщиной о «ненужности войны для простых людей». И ощутил «внутреннее спокойствие и веру в будущее».

на фото (слева на право):
мать Ида Ахола;
отец Петери Ахола;
дедушка и бабушка художника
(по линии отца),
проживавшие в Импилахти.

акварель Ахола-Вало с изображением отъезда семьи из Импилахти в Санкт-Петербург. (архив художника в г. Хямеэнлинна)

Мать Александра Ида была из образованной офицерской семьи, знала несколько европейских языков. В 1902 году, после рождения второго сына Феликса, она умерла, и отец был вынужден искать новое место работы, чтобы прокормить двоих детей. Трагедия семьи оставила след во всей жизни Александра.

Семья Ахола переехала в самый центр Российской Империи - Петербург, когда Александру не было и 5 лет. Они поселились на Мойке, где маленький Али видел Льва Толстого. А позже стал свидетелем Кровавого воскресенья 1905 года, когда царские войска стреляли по мирным демонстрантам, и во время стрельбы вокруг него с деревьев падали трупы мертвых детей, являясь, словно жертвами новых перемен. Он даже попал в больницу из-за пережитого шока. После этого Али стал серьезно задумываться о смысле жизни и о том, как можно остановить насилие, совершаемое «неразумными» взрослыми. Об этом событии он напишет в своём дневнике: «...именно тогда я почувствовал себя маленьким старичком». Он остро переживал взаимоотношение суеверий и религиозного рационализма, насилие взрослых над детьми.

Через некоторое время Пекку Ахола с семьей высылают под надзор полиции в Ингрию, в поселок Вырица. Просвещенный и цивилизованный отец решил дать детям хорошее частное образование, для чего пригласил учительницу Людмилу Кузьмину, недавно потерявшую мужа, и ставшую, впоследствии, приёмной матерью для Феликса и Александра. Именно мачеха подарила маленькому Али тетрадку и попросила вести дневник. Благодаря ей Александр делал записи о происходящем всю свою жизнь.

О том, что Али был необычным ребёнком, свидетельствует и то обстоятельство что, будучи школьником, он организовал собственную школу, где дети учили детей. Вот как он пишет об этом в своей автобиографии:

«Первая в России детская самостоятельная школа была организована первого августа 1909, без инициативы взрослых. До её основания эти дети были учениками и ученицами исключительных педагогов Людмилы Дмитриевны Кузьминой и Марии Розановой. Школьники вырицкой земской школы практиковали преподавание: старшеклассники учили младших, когда учительница заболела. Потом автор этого повествования обратил внимание на польского мальчика Лёньку Михайловского, которого отец почти каждый день бил из-за своего религиозного фанатизма, а также дразнили другие дети из-за национальности. В Вырице многие железнодорожники и поляки поступали так со своими детьми. И вот Алик (так звали в детстве автора этой повести) сказал своему отцу Петру Адамовичу Ахола:

- Папа я хочу учить Лёньку грамоте. Его отец не пускает в школу и бьет, так что струпья не заживают.

Мой отец сказал на это: - В нашей местности сотни таких несчастных детей, а ты хочешь учить только одного. Лучше было бы, если бы вы все вместе договорились да соорудили в летнее время свою детскую школу для всех неграмотных, место для этого хватит в большом каретном сарае у нас на дворе, и спортом заодно займётесь. - Так получила своё начало эта затея. А конец её был в марте 1916 года, когда наша школа стала уже 7-ми классной. Основным предметом каждый день был урок просвещения на разные практические темы: здравоохранение, домашнее хозяйство, ремонт жили-

детские рисунки художника, архив Хямеэнлинна

ща, уход за малыми детьми. Мы ставили небольшие пьесы, рисовали карикатуры на пьяниц и курильщиков и многое другое, например, читали литературу с комментарной критикой. Были у нас лекции по вопросам самовоспитания и на общественные темы. Главным результатом вырицкой детской школы было снижение преступности и употребления алкоголя в нашем районе. Царское правительство с самого начала, с 1909 года преследовало наше ценное начинание из-за бессмысленных подозрений. Если в семьях учеников были отцы алкоголики, то они вредили нам, зовя на помощь жандармов и местную полицию, клеветали политическими бессмыслицами - мол, дети выходят из-под их подчинения и становятся политическими бунтарями, чего в самом деле не было, а только клевета несознательных взрослых. Тогда была Первая мировая война и не хватало прогрессивно думающих и всяким вредителям было легко проделывать свои тёмные дела. После запрета властями детям обучать себя и воспитывать, стало мертвенно пусто, мы поняли, что мир взрослых болеет неизлечимой эпидемией».

До глубины души маленький Али был против царской власти:

«Какой ужас! Сегодня день царя и нам необходимо поднять флаг на вышку. Бедный отец, как бы он не упал с крыши вышки, так как шнурок флага порвался в прошлый раз при его поднятии. По закону сегодня ничего нельзя делать только царский гимн разрешается распевать. Но я умышленно буду выступать против закона и буду работать сильнее, чем всегда».

Именно в те годы родилось учение Александра Ахола, которое он позже назовёт АЭ-эвохомологией. 8 мая 1911 года, когда Али было 11 лет, он разговаривал на эту тему с дочкой его домашней учительницы Люми, с Лидией и позже сделал запись в дневнике:

«Об этом мне еще необходимо тебе рассказать - сказал я ей, задумываясь. - Если бы все люди одинаково поняли самое ценное правило - я его называю «мудрой любовью» - тогда оно бы стало основным понятием для каждого, независимо от возраста. Если люди хорошо воспитаны, то им легче вместе работать и создавать плоды науки для общего блага.

- Из чего состоит твоя разумная любовь? - спросила Лидия.

- Она состоит из всего того, без чего нельзя осуществлять деятельность, улучшающую жизнь. До сих пор в мире существуют эгоистические взгляды о любви и ими заполнено всё человечество нашего времени. Чистая и целостная любовь бывает очень редко. Может быть, что её даже не существует в той форме, которой я сам её научился понимать».

После этих строк назвать его обычным подростком было бы, по меньшей мере, странно. Всего через три года, в 1914 он предсказал то, что через 100 лет его записи будут напечатаны отдельной книгой:

23 июня 1914 года.

«Ведь дневники эти, что пишу - это история, которая будет книгой напечатана через 100 лет. Но не вечно же зло, всё-таки, будет на свете. Об этом я стал думать в последнее время и главное только то, чтобы эти дневники могли бы быть сохранены, как и до сих пор, в тайниках».

30 января 1914г.

«В будущем человек моего возраста поступает в университет, потому что начальное обучение начнётся в 4 года. Это вполне возможно, потому что взрослые будут обучены правильному миропониманию вообще и пониманию психологии ребёнка. Ребёнок будет находиться в развитой умственно и нравственно высокой среде. Если сейчас случится революция, сразу ничего не переменится, потому что сознательных людей ещё нет. Обучения сознательности ещё нет. Власть будет принадлежать большинству несознательных. Это значит, обстановка состояния неразвитости будет, как до революции. Поэтому надо обучать сознательности и воспитывать, задолго до революции. Будет холостая революция, беспочвенная. Злоба, преступления, несправедливость - всё останется».

2 февраля 1914.

«Меня мучает такая беспомощность, какой никогда раньше не испытывал. Надо делать что-то, до чего не могу сейчас додуматься. Надо придумать то, что сильнее денег. Оно должно быть более увлекательным, чем деньги или материализм. Эта наука, без которой другие виды науки не могли бы прогрессировать.

Мне кажется, что это может быть наука о самом человеке, о его усовершенствовании, и она должна являться универсальной – всеобъемлющей».

В 1916 году Александр Ахола успешно поступает в элитную школу «Маяк» в Санкт Петербурге на медицинские курсы под руководством доктора Зендера. Он становится самым младшим студентом. К тому времени Али уже знает 4 языка: французский, финский, шведский и русский. Впоследствии изучит ещё несколько, но все они будут славянскими. На школу зарабатывает сам, что, конечно же, скрывается. Подрабатывает трубочистом, пекарем, путейцем, помощником аптекаря, водителем трамвая. Его близкий друг Володя Избаков работает в Смольном библиотекарем у Владимира Ильича, поэтому Али часто видит Ленина.

Ахола-Вало и Октябрьская революция.

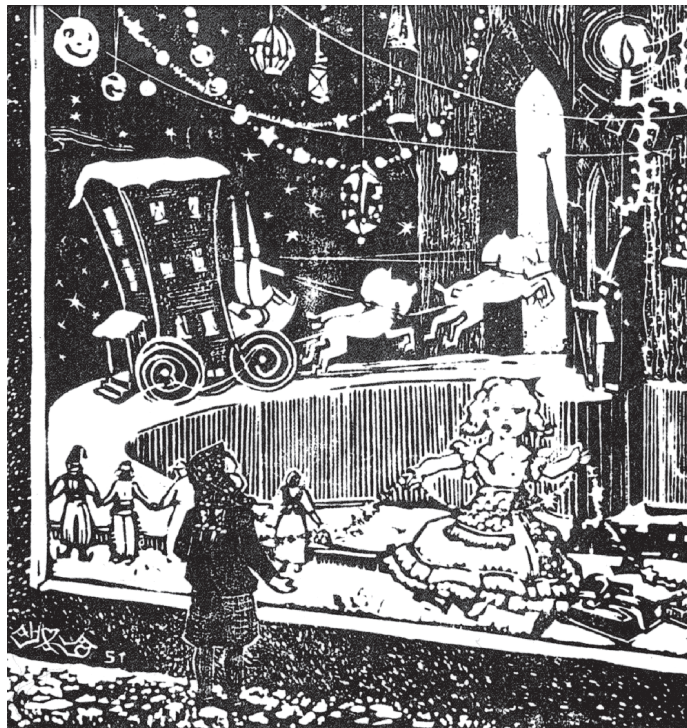
В своем дневнике от 25 марта 1911 года Александр написал о споре с отцом:

«У меня навсегда остались в памяти эти слова отца:

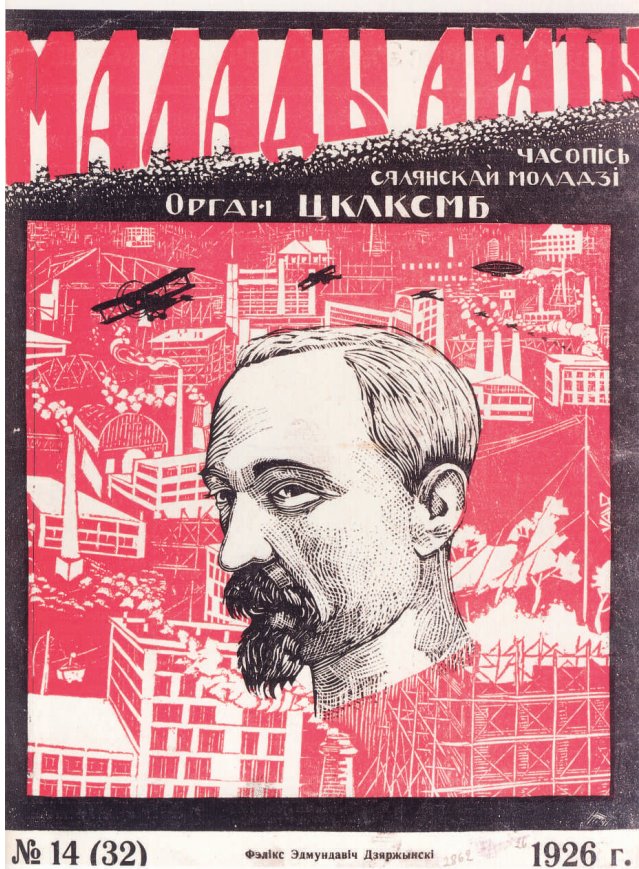
- Если революция победит, все изменится в лучшую сторону. Тогда уже не будет государей и работающих по их велению и на их благо, а все будут равными, достойными людьми.

Я добавил к этому, что «если человека не воспитывают, как надо жить, то революция здесь не поможет». Но отец сказал, что «всё зависит от условий жизни, как писал Маркс, что все средства принадлежат всем нам вместе, а не только капиталистам. Поэтому после революции всё изменится к лучшему».

Когда я не согласился с этим, отец рекомен-

довал мне прочитать «Капитал» Карла Маркса. А я старался убедить отца в том, что материя станет лучше через улучшения человеческих качеств. Но отец настоял на теории Маркса, что человек всегда будет зависеть от материализма, как писал Маркс. Мы не пришли к общему мнению, и спор оказался напрасным».

Отец Али твёрдо верил в революцию. Следующую запись Алик сделал первого мая того же года:

«Весь вечер я разговаривал с отцом о том, что в ближайшие годы может произойти в мире. Отец верил в революцию и он говорил о её необходимости, но я сильно хотел доказать, что революция пока не нужна, а необходимо усиливать процесс просвещения среди рабочих и крестьян, чтобы среди них царило единство и чтобы они лучше понимали смысл жизни».

Сам Али верил в силу просвещения - а не в силу революции. В следующий день он продолжил свои мысли:

«По пути отец объяснил мне, как в книге «Капитал» Карл Маркс писал о том, что будущее мира станет цветущим. Я послушал его и подумал о том, с помощью кого оно может стать цветущим, если нынешний народ в России так малоразвит и безграмотен? Еще раз я напомнил отцу об этом, но он был убежден в том, что всё будет развиваться в лучшую сторону. Я тоже хотел верить тому, что к власти придут люди, которые могут создать новые школы для просвещения народа».

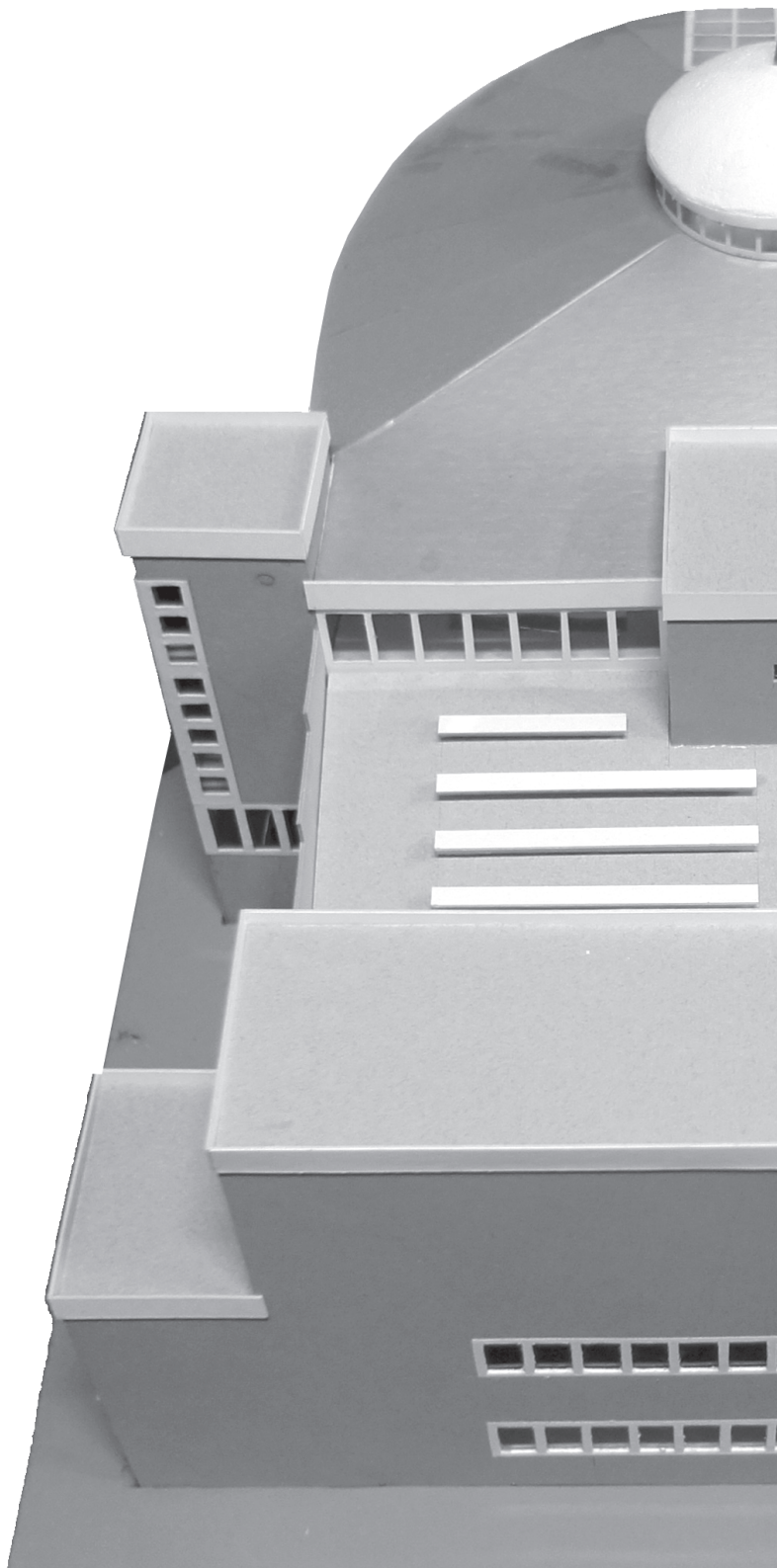
В конце 1916 года Али уже принимал участие в опасной операции по освобождению революционеров из тюрьмы «Шпалерной» и раздавал газеты «Правда» в Петрограде.

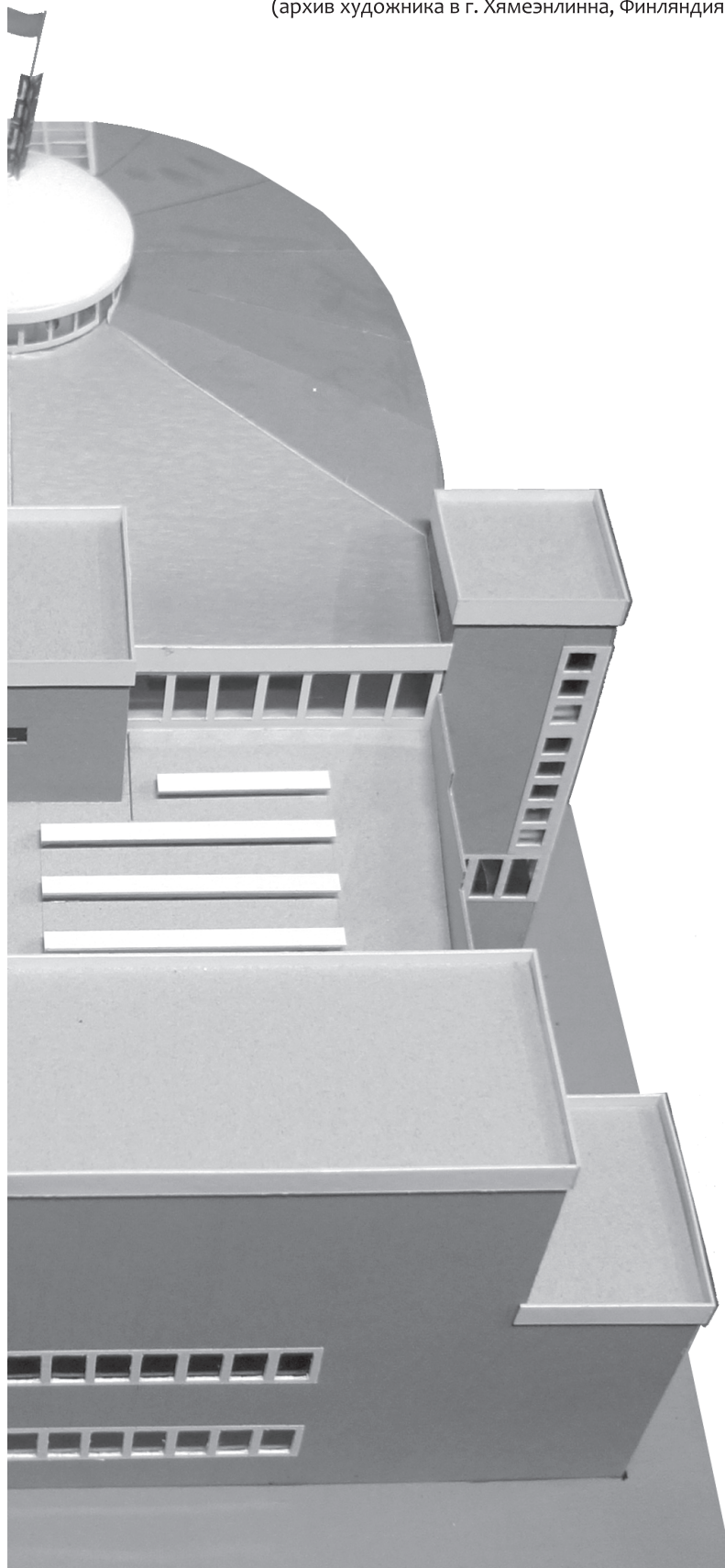
Ночь перед Октябрьской революцией 17-ти летний юноша Александр Ахола провел у лучшего друга отца Каарло Куоса, в самом центре Петрограда, по адресу Мойка 12, в том же доме, где когда-то жил Пушкин. Али просил поручения для себя но Куоса ему строго ответил:

- Если ты будешь нужен, я тебе дам задание. В будущем ты будешь нам необходим. А теперь замолчи. Сейчас действуют огромные силы и твоя сила здесь не нужна. Ты слишком маленький деятель по отношению к тому, что сейчас происходит.

Ахола-Вало был очевидцем и свидетелем российской революции - но не был активным деятелем, хотя его самые близкие друзья стали революционерами. Каарло Куоса являлся членом подпольной революционной организации. В своей тайной домашней типографии он печатал листовки и переводил на шведский язык тексты, написанные Лениным в Женеве. Отец Ахола-Вало, также был революционером. После февральских событий 1917, когда был свергнут царь с престола, Петтери Ахола организовал демонстрацию в честь революции у себя в Вырице. Али шагал в первом ряду под красным флагом вместе со своим отцом. По его просьбе молодой

стр. 30 - живопись и графика разных лет; стр. 31 - агитационная графика 20-30гг. (архив художника в г. Хямеэнлинна, Финляндия)

художник написал для демонстрантов транспарант, лозунг которого был против войны в Европе - «Долой войну! Хлеб народу!». Демонстрация прошествовала на площадь, где отец выступал перед народом:

- Свержение тирании говорит нам о том, чтобы мы начали строить более счастливую жизнь и отказались от той нищеты и тьмы, которую возродил царизм. Прежде всего, война должна быть закончена!

Местный лидер меньшевиков не мог согласиться с этим, и между ними возникла ссора. Большинство из демонстрантов, как и Ахола-Вало не были членами никаких партий. Но, за антивоенную пропаганду, семью Ахола-Вало выселили из своего дома.

После Октябрьской революции институт, в котором учился Александр, закрылся. И в 1919 году он вступил в Красную армию, из-за необходимости защитить Петроград от наступления белой гвардии. Но Али не принимал участие в боевой деятельности, так как служил в 6-ой дивизии, сформированной из актёров царского театра и бывшей отделом просвещения. Он учил народ читать, работал в библиотеке, выступал с лекциями о воспитании, по мере продвижения фронта создавал школы и ставил спектакли.

В 81-летнем возрасте Ахола-Вало, во время интервью по радио, вспоминал Октябрьские события и их значение. Самым главным изменением сотворённым революцией, на его взгляд, стали изменения в положении ребёнка. Царская система базировалась на понятии «сильный правит слабыми» и «это распространялось и на положение детей, ничего не давая, а только забирая у ребенка столько, сколько возможно». Такая позиция изменилась после революции и, по мнению Александра Ахола-Вало, это было самым главным её достижением.

Художественное искусство.

На гербе Ахола-Вало изображен большой источник света, солнце, на котором растёт пальмовое дерево, пустившее свои корни до самого земного шара, словно вены и артерии через сердце. Солнечные протуберанцы переплетаются вулканически, образуя слово «VALO», что означает свет. Именно этим светом и была пронизана вся жизнь и деятельность выдающегося человека, Александра Ахола. Его не случайно называют одним из первых советских актёров и мультипликаторов. В начале 20-х годов Али строил тринадцатиметровую модель броненосца «Потёмкин» для пропагандирования гениального фильма Эйзенштейна, где и сам в белом костюме снимался в известной сцене с одесскими лестницами.

В 1920 году Ахола-Вало участвовал в походе Красной Армии на Варшаву под лозунгами мировой революции. Из Петергофа его путь лежал через Витебск, Лиду, Гродно в местечко Кренги у польской столицы. Там был ранен, долечиваться поехал в Витебск. В его архиве имеется жёсткое фото с жертвами советско-польской войны.

В Белоруссию Александра Ахола судьба

занесла не случайно. Именно с периодом жизни в БССР связан творческий рассвет художника. В начале 20-х гг. он поступает учиться современному искусству в знаменитую школу Ю.Пена. Здесь его учителями становятся Марк Шагал и Казимир Малевич. Здесь же он знакомится со своей первой женой Алёной Яцынович-Яцевич.

После смерти Ленина в 1924 году Александр Ахола-Вало написал большое, 6-метровое полотно, изображавшее вождя; оно было выставлено в Витебске с подсветкой изнутри. Пожалуй, с этой картины и началась традиция гигантских ленинских полотен.

О своей жизни в Витебске художник позже напишет в своём дневнике: *«В этот период окончательно сформировались мысли о том, как человечество может избавиться от неправильного порядка жизни и вредных обязательств, что идут от хронического варварства и слепого материализма. Я убедился, что надо создать ответственную науку про качество человека, от которой на самом деле „воспрянет род людской“. Именно в Витебске я проводил первые эксперименты самообразования, а в 1931-м уже серьезно углубился в рационализаторскую педагогику».*

После окончания училища, в 1925 году, Александр переезжает в Минск, уже зрелым мастером, обладающим отчетливым индивидуальным творческим почерком и устраивается на работу учителем местного центра искусств. Для его творчества белорусского периода характерны обобщенность, гротеск. В Минске Ахола все чаще обращается к национальной тематике. И делает это удачно, о чем свидетельствуют его иллюстрации к произведениям белорусских писателей. Общаясь с людьми, оформляя книги, Ахола - Вало настолько овладел белорусским языком, что начал писать на нём художественные произведения. Именно в Минске состоялась его первая персональная выставка.

В 1930 Александр Ахола присоединяет к своему полному имени псевдоним «Valo» - «Свет» и за полгода разрабатывает и строит «Павильон истории страданий человечества» в Минске. На стенных росписях павильона этот финский «микеладжело коммунизма» со своими помощниками изо-

бразил зверские способы пыток, к которым человечество нередко прибегало для сохранения власти, в том числе китайскую водяную пытку, польскую пытку, при которой горячее масло вливалось вовнутрь жертвы или казнь на американском электрическом стуле. Посреди павильона стояла гигантская 6-метровая скульптура из дерева «Голиаф», «Вооруженный тиран мира» со световой панелью на спине, на которой посетитель имел возможность узнать судьбы знаменитых мучеников, например Бруно или Хаса (аланский царь, ослеплённый и четвертованный монголами). Свет в монокле гиганта освещал всю площадь выставки.

Даже в настоящее время этот храм представлял бы собой потрясающее зрелище. И сам замысел создания такого павильона перед началом сталинских репрессий кажется настоящим произведением века. Не удивительно, что немцы во время войны, после вторжения в Минск сразу взорвали храм. Очевидно, на нацистов такое сильное произведение подействовало слишком удручающе своей портретоподобностью.

После построения павильона советские чиновники ухитрились заплатить Али лишь мизерную часть его гонорара. Он рассердился и навсегда покинул место своего пребывания в Белоруссии, швырнув деньги на перрон через окно поезда Минск - Москва.

В новой империи - Советском Союзе идеи Ахола-Вало об улучшении человека оказались востребованными. Сама Надежда Крупская, которая тогда курировала «Московский научно-исследовательский институт матери и ребенка» заинтересовалась проектами Александра. В его архиве имеется письмо к ней, из которого следует, что художник получил работу в Москве благодаря протекции супруги вождя. Поэтому он переехал в советскую столицу, бросил графическое творчество и целиком отдался практическому осуществлению своих теоретических положений. Ахола-Вало был руководителем идеологической и научной работы в «Обществе по улучшению образа жизни», где развивал свои воспитательные идеи, а позднее в «Институте материнства и защиты детей» строил трубы для ползания детей, в проекте с наглядными пособиями, который должен был бы «изменить структуру всего государства». И, так как революция намеревалась завоевать всю планету, Али чувствовал, что он принимает участие в воспитательном проекте, касающемся всего человечества.

Ахола-Вало в педагогических целях всегда соединяет изобретения модернизма с прочным реализмом. В автопортретах того времени мы видим крепкого и жизнерадостного молодого человека с ясными чертами, который верит в идеи и просвещение, однако не как партийный пропагандист.

Одной из самых ошеломляющих его затей было создание проекта «Кольцо озеленённых городов вокруг Москвы», где около миллиона горожан могли бы жить в здоровых и благоустроенных условиях. Это напоминает планы Леонардо да Винчи, в которых он стремился перестроить тогдашнюю Флоренцию таким образом, что человек и природа были бы соединены в одно целое. Но, как и во время Леонардо да Винчи, денежные средства были переданы на вооружение. План озеленения Москвы так и не был осуществлен, и до сих пор нигде на нашей планете не смогли удовлетворительно разрешить проблему противоречия между природой и городским человеком.

Со временем психоаналитические опыты «белорусского финна» некоторым московским деятелям показались странными и даже подозрительными. Над художником начали сгущаться репрессивные тучи. И он, по совету старого большевика Карла Радека, спешно, вместе с женой и двумя дочерьми, родившимися в Минске, засобиравшись на родину.

Чужой, среди своих.

В 1933 Ахола-Вало выехал в Финляндию по паспорту Великого княжества Финляндского со всем своим архивом и поселился в городе Хямеэнлинна. Его красное прошлое у финских властей вызвало подозрение. С началом Зимней войны Ахола-Вало арестовали.

«Моя душа стремится вперед, а этому пытаются препятствовать сумасшедшие».

Так сказал художник о великолепной акварели, которую он написал тремя цветами краски во время заключения в Финляндии. На ней человек синего цвета поднимается к вечному свету по лестнице времени. В тюрьме в Таммисаари он также написал мучительно точную картину с изображением действительности своей тюремной камеры, в которой можно увидеть даже пыль на проводе лампы. Али вспоминал жестокого тюремщика с лошадиной головой, которого заключенные звали «Хоппа», «Конёк». После бомбёжек, которых заключенные очень боялись, прячась под свои кровати, «Конёк», стоя в дверях, кричал «узнакам совести»: «Ну-ка, посмотрите, какой ужас вы сотворили!».

Пробыв в заключение ровно 100 дней, Али принимает решение эмигрировать в Швецию. Вместе с семьёй и своим богатым архивом он пересекает границу, благодаря заступничеству Аксели Гален Каллела. Знаменитый художник однажды так представил Али своим друзьям: «Вот молодой человек, познакомьтесь, пожалуйста. Он будет продолжать традиции искусства Финляндии!».

Законы Швеции в первое время официально запрещали ему заниматься живописью, и Али бросил все силы на разработку и дополнение изобретённой им самим науки символов - Эвохомологии.

Ахола-Вало и в Швеции продолжал вести дневник: *«Многое говорит о том, что человек должен сам творить и владеть своей жизнью, однако структуры становятся все жестче и жестче. Структура образования многократно усложнилась, но сама ситуация обучения осталась та же. Учителя раздают готовую информацию в скучной классной атмосфере и главной целью обучения являются только сдача экзаменов и продолжение учебы. Мало того, что сокращают продолжительность уроков рисования, физкультуры и трудового воспитания, и также учеников не учат ориентироваться в жизненных ситуациях, но и под предлогом автоматизирования методов разработки информации забывают об основных открытиях, которые вдохновляли бы душу ребёнка. Таким образом, учитель мог бы работать как настоящий художник, который относился бы к своей работе с пламенным энтузиазмом и «анархизмом», заражая своим азартом, следовательно, и детей».*

«Маленький исследователь, как и маленький художник, скрывающийся в каждом человеке, может оказать-

ся ближе к действительности, чем учёный, обученный до совершенства. Вопросы, приводящие к новому мировоззрению, являются детскими», - как заметил Альберт Эйнштейн.

В Швеции публика прислушивалась к его идеям, а пиктограмма - мандала АЭ-эвохомологии напоминала оккультный круг шведской медиума-художницы Хильмы аф Клингт. Прожив в соседней скандинавской стране долгие 40 лет, он преподавал в художественной школе, читал лекции и даже возмущался деятельности королевского правительства. В работах Ахола-Вало с 1947 года есть удивительная «постмодернистская» многоцветная линогравюра «Мир причин и последствий». На ней в гари Хиросимы чернокожий Адам берёт с белокожей Евой яблоко. В углу внизу отец избивает своего ребенка. Над всем этим звучит органическая лира надежды, как надежда об окончании круга наказания и мести.

В 1963 Александр Ахола-Вало в Швеции лично встретился с первым космонавтом Юрием Гагариным и подарил ему свою гравюру «Октябрь в космосе», написанную в 1925 году, в Минске. На ней изображена планета Земля, страна СССР и слово «октябрь», приводимое в движение деталью механизма мировой революции. Ныне эта гравюра находится в Москве, в Музее космонавтики.

В 1982 году Ахола-Вало вернулся в Финляндию в город Хямеэнлинна, однако не почитаемым героем, с которым история обошлась несправедливо, а чудачком, особенный характер которого понимали лишь немногие. В небольшом провинциальном городке жизнь сводит его с Ристо Суванто, вместе с которым они основывают общество Elpo. Это общество взяло на себя труд по сохранению духовного наследия Александери Ахола-Вало и продвижения в жизнь его идей. Сейчас архив в Хямеэнлинна - это одно большое помещение в здании, похожем на склад, полностью заполненное документами, папками, книгами и коробками, часто без всяких опознавательных надписей. Вход - только для специалистов, предварительно составивших обращение к директору фонда Ристо Суванто. Незадолго до смерти в 1997 году Ахола-Вало завещал сохранить свой архив в одном месте в неделимом состоянии. Поражает объем собрания. Тысячи графических листов, архитектурные проекты, личная переписка, футуристическая живопись и фото-архив. Пытаясь реализовать лучший жизненный план, художник фиксировал практически все повседневные события.

- У Ахола-Вало была своя миссия, он переживал за все людские страдания и искал человеческое в человеке. На самом деле это был художник толстовского типа, - считает Ристо Суванто, председатель фонда Ахола-Вало.

За год до смерти Вало реализовывал свой очередной фантастический проект. Совместно с режиссером Марьей Мюллюниemi он поставил в детском театре пьесу, которую написал в Вырице 14-летним мальчиком. Драма из жизни сына финского трубочиста нашла зрителей через 83 года после создания.

- Удивительно, что в пьесе Вало говорит об актуальных вещах. Институт школы остается авторитарным и часто давит на ребёнка. Насилие не ушло из сферы воспитания, и об этом он говорил за год до смерти», - отмечает театральный режиссер Марья Мюллониemi.

15 сентября 1997 года на 98 году жизни Ахола-Вало покинул этот мир. Согласно завещанию, его прах был развеян над Балтикой в районе сближения трех границ - русской, шведской и финской. В деле изучения наследия мастера сегодня преуспевают две страны: Белоруссия, где в ноябре 2010 прошла масштабная выставка, посвященная 110-летию со дня рождения художника, и Финляндия, в которой в 2005 году вышел детский фильм «Valo», снятый по дневникам Александра Ахола.

В возрасте 97 лет Ахола-Вало всё больше напоминал рембрандтского созерцающего пророка, который только что окончательно понял, что у него нет отечества.

«Идеи не имеют родины, а их ценность как раз и выражается в свободе и никакая структура власти не поддерживает тех, кто мог бы вывести людей из мрака развлечений и политических манипуляций к свету самостоятельного мышления».

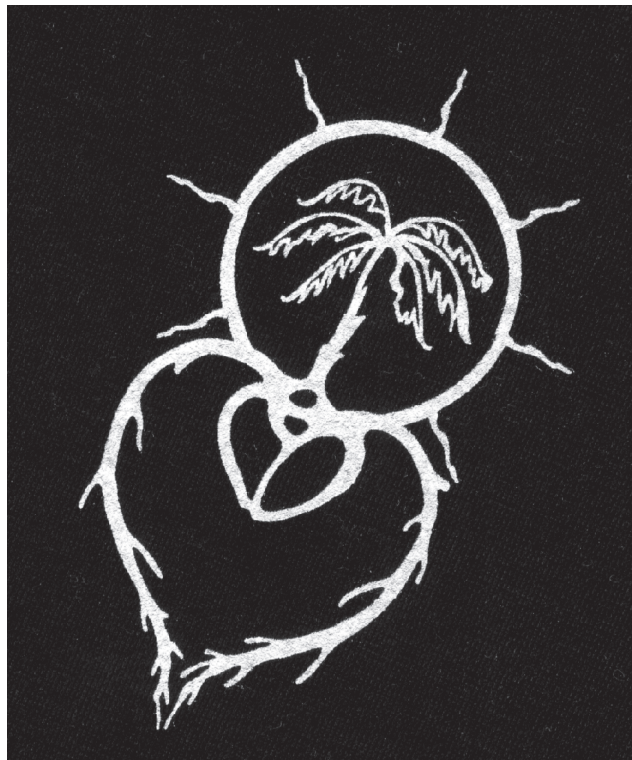
Александр Ахола-Вало.

Послесловие.

«Сохранить в мире хоть одну единственную концентрацию знаний: ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ - это самая главная задача» - писал великий деятель 20 столетия, наш земляк Александр Ахола-Вало. Помимо сохранения знаний, перед людьми следующих поколений стоит и такая глобальная задача, как сохранение достоверной памяти о прошлом и, в первую очередь, о людях, живших до нас. К сожалению, в настоящий момент музея Ахола-Вало ни в одной из четырёх стран его проживания нет. Не состоялось также открытие Гуманитарного Института Изучения Человека, проект которого художник, вместе со своим внуком, мечтали воплотить в жизнь в постперестроечные годы. Эта статья - пусть и небольшой, но всё же, вклад в просвещение сегодняшних жителей Приладожья о жизни и деятельности гениального человека, родившегося на этой земле. Дальнейшие шаги для популяризации творчества Ахола-Вало мы видим в установке мемориального знака на его родине, в посёлке Импилахти, в создании постоянной экспозиции художника в Сортавала, и в будущем надеемся на открытие его музея на территории Карелии. Если бы Али поделился с нами секретом, как оказываться в нужное время в нужном месте, то все проекты воплотились бы в жизнь в ближайшем будущем, поскольку как писал он сам: «Единственный капитал у человека - это время».

Автор-составитель Светлана Махохей.

В статье использованы материалы: Ристо Суванто и Эрки Пиртола из брошюры, выпущенной к выставке Ахола-Вало в Музее Ленина, в Тампере, а также статья белорусского исследователя Адама Мальдиса, текст Алексея Олиферука из сюжета Санкт-Петербургского Российского телевидения.

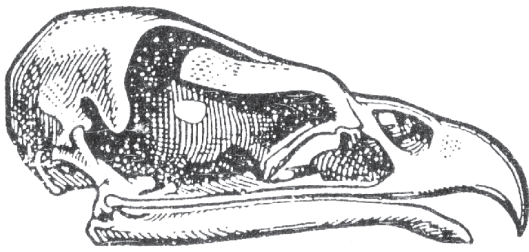
Accipiter (ястреб)

На территории Карелии гнездится около 200 видов птиц, принадлежащих к 15 отрядам. Кроме того, более 30 видов размножаются за пределами республики, но встречаются у нас во время сезонных миграций, на зимовке или залетают случайно в период кочевок. Некоторых из них человек считает «вредными», других — «полезными». Это разделение достаточно условно, особенно учитывая тот факт, что птица, о которой речь пойдёт в этой статье, не смотря на свой хищный характер, приносит неоценимую пользу в качестве санитара леса и контролёра численности мелких животных.

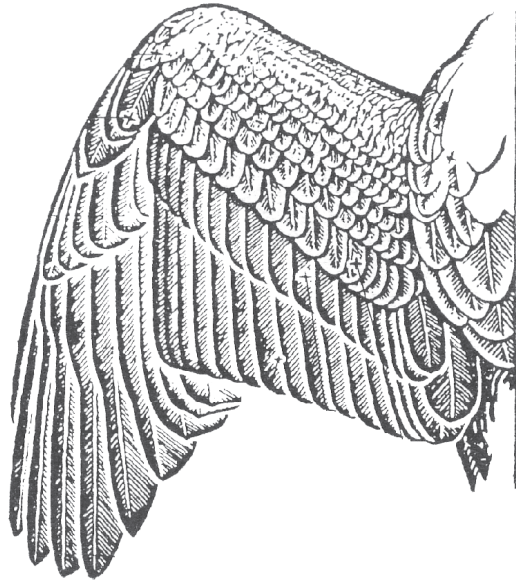
Ястребы, или ястреба́ (лат. Accipitrinae) - подсемейство хищных птиц из семейства ястребиных. В широком смысле, так называют любую птицу из этого подсемейства. На территории России и Карелии большое распространение имеют ястреб-перепелятник и ястреб-тетеревятник. Этих птиц отличают по сравнительно широкому коротким крыльям и длинному хвосту. Нижняя часть тела у них серовато-белая, с темными поперечными полосами. Верх - окрашен в серова-

то-бурый цвет. Охристые каемки перьев спины и кроющих перьев крыла образуют своеобразный рисунок. Оба вида - типично лесные хищники, отличающиеся быстрым маневренным полетом. Относительно длинные неоперённые ноги приспособлены схватывать жертвы в ветвях деревьев и кустарников.

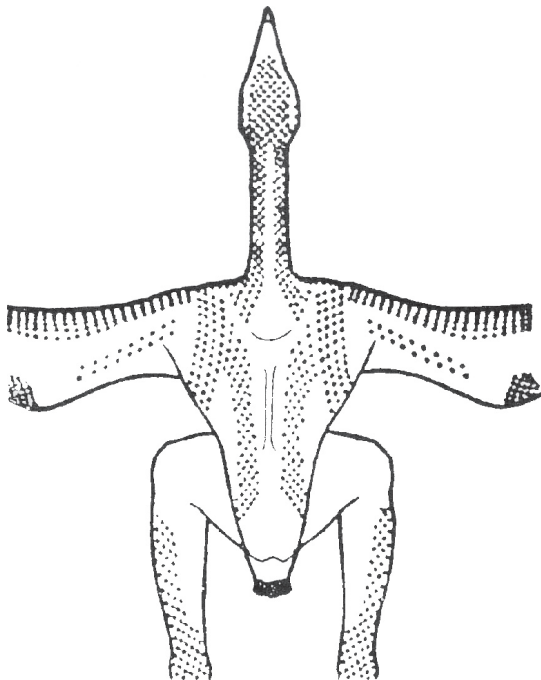
Ястребы-тетеревятники являются самым крупным видом рода ястребов. Самцы обычно весят 630-1100 г, их длина составляет в среднем 55 см, размах крыльев варьируется в пределах 98-104 см. Самки немного крупнее, весят 860-1600 г, в длину около 61 см, размах крыльев 105-115 см. Все ястребы имеют характерные белые полосы перьев над глазами, что придаёт им своеобразную форму и создаёт видимость белых бровей. У ястреба-тетеревятника они более широкие и длинные, чем у других представителей рода, и почти сходятся на затылке. Цвет глаз у взрослых особей красный или красно-коричневый, у молодых особей ярко-жёлтый. Окраска, как у самцов, так и у самок варьирует от синевато-серого до чёрного. У молодых ястребов окраска заметно отличается от взрослых

Череп (вид сбоку)

Крыло с согнутой кистевой частью (вид сзади сверху)

Места прикрепления перьев (вид сзади и сверху)

особей: голова и внешняя часть крыльев коричневые, грудка белая с вертикальными коричневыми полосками.

Ястребы-тетеревятники населяют хвойные и лиственные леса. Гнёзда предпочитают вить в лесу, состоящем из старых и высоких деревьев со средней освещённостью и небольшими опушками неподалёку от мест для охоты. В основном, они ведут оседлый образ жизни и, как правило, придерживаются одной территории довольно строго. Но, тем не менее, карельские зимы зачастую для них являются слишком холодными, и большая часть ястребов покидает наши леса до весны. Ну, а те, кто остаются «переезжают» поближе к крупным совхозам и звероводческим фермам, где зимой всегда многочисленны мелкие птицы и врановые. Свои жилища - гнёзда ястребы строят на деревьях, размещая их в вершинной мутовке или развилке ствола, в основании ветвей, а также на уплощённых толстых лапах елей и сосен.

Как и другие птицы, ястребы-тетеревятники не лишены склонности к общению между собой. Они издают высокий звонкий клёкот. Особенно часто их голоса можно услышать в период гнездовья, когда и самец, и самка общаются с помощью одинаковых вибрирующих звуков, только вот у ястребов всё наоборот – голос у прекрасной половины получается ниже и громче.

Размножаются эти пернатые один раз в год, в самый романтический период, когда просыпается вся природа - между началом апреля и серединой июня, причём пик активности приходится на конец апреля - май. В непрактичности ястребов не упрекнёшь - вновь созданная семья начинает строить своё родовое гнездо ещё за два месяца до откладки яиц. Как правило, самка откладывает 2-4 яйца с интервалом в 2-3 дня каждое. Высиживает будущее потомство, в основном самка, но и самец не чурается родительских инстинктов - заменяет её во время охоты. Птенцы появляются на свет через 28-38 дней, покрытые густым белым пухом. В течение следующих 25 дней все заботы о добыче для самки и потомства ложатся на самца. Вылупившиеся птенчики остаются в родительском гнезде ещё чуть больше месяца, после чего постепенно перебираются на соседние ветки того же дерева. В возрасте полутора месяцев в жизни новорождённого ястреба-тетеревины наступает самый важный, ответственный и переломный момент - он начинает летать. Эти хищные птицы - заботливые родители, они кормят своё потомство, пока им не исполнится 70 дней и они не смогут сами добывать себе еду. Полное покидание родового гнезда происходит, когда практически все молодые ястребы становятся абсолютно независимыми, примерно на 95 день своего рождения. Ровно через год самостоятельной жизни у них наступит период половой зрелости и уже они, молодая поросль, будут издавать вибрирующие звуки в поисках партнёра, вить гнёзда, откладывать яйца и высиживать птенцов.

Название этих хищных птиц «ястреб» в старославянском языке встречается в варианте «astreb». Украинское – «ястріб», «яструб», сербохорватское јастрејѐб, от которого образовалось прилагательное јастребаст, что в переводе означает «пестрый, крапчатый». Это слово, вероятнее всего, сформировалось на основе древнеславянского корня *str в значении «скорость» (стриж, стрела, стремнина, стержень). Окончание eбъ имеет значение «рябой, пёстрый». Характерная черта охоты ястреба - молниеносный заключительный бросок на жертву. В основном они предпочитают питаться мелкими птицами от королька до кукушки (иногда его жертвами становятся и птенцы тетерева или рябчика) - млекопитающими, беспозво-

ночными, средними и крупными рептилиями. Жертва охотника может составлять до половины веса ястреба.

В завещании Владимира Мономаха, около 1125 года ястреб-тетеревятник упоминается в качестве ловчей птицы. Эта традиция не исчезла до сих пор. Охотники, именующие себя «сокольниками», выкрадывают птенцов тетеревиатника из гнезда, приносят к себе домой, тренируют и после, уже со взрослой птицей выходят на охоту. Тетеревиатник как вид хищных птиц характеризуется очень высокой степенью пластичности и умением приспосабливаться к различным условиям существования.

Это определяет и относительную простоту его обучения для использования в соколиной охоте. «У ястреба малое тело, но великое сердце», – говорят восточные сокольники, прославляя бесстрашие и любовь этой птицы к охоте. Обученный ястреб без особых проблем справляется с серой цаплей, гусем или крупным зайцем, но значительно чаще с ним ловят уток, куропаток, врановых, мелких зайцев и кроликов, весом около 2 кг. Тетеревиатник способен охотиться в любом ландшафте, добывает дичь в воздухе, среди крон деревьев, в густом кустарнике, над водой и даже из-под неё, когда, на лету погрузив лапы в озеро, выхватывает, успешную нырнуть, но не ушедшую достаточно глубоко, лысуху или болотную курочку. Помимо замечательных ловчих качеств, он в целом очень контактен, довольно легко обучается, а его охотничьи инстинкты настолько сильны, что их трудно испортить неправильным содержанием. Но при этом он остаётся достаточно независимым в общении с человеком, напоминая скорее кошку, чем лошадь или собаку. Легко воспринимая необходимое для ловчей птицы, ястреб не менее легко всё забывает, и поддерживать его в рабочей форме можно только с помощью регулярных тренировок или охоты. В дикой природе, средняя продолжительность жизни ястреба-тетеревиатника составляет от 3-5 лет. Для сравнения, у сокольника тот же тетеревиатник способен жить десятилетиями, а в зоопарках доживает до возраста в четверть века. Чем же отличается жизнь птицы в природе и рядом с человеком? Прежде всего, уровнем комфорта. В лесу любая травма или не сильная болезнь ухудшает лов-

чие возможности хищника и способна, в конечном итоге, привести к его гибели. В содружестве же с человеком даже долговременная неспособность охотиться не является для птицы проблемой. Сильные травмы, полученные в природе, достаточно легко залечиваются в домашних условиях, а антибиотика нередко побеждают смертельные для ястребов инфекции.

Примерно 4 года назад, в конце лета, на трассе Сортавала-Вяртсилья случилось дорожно-транспортное происшествие. Молодой ястреб, гнавшийся за добычей, неудачно спикировал и врезался в лобовое стекло автомобиля. К счастью, все участники происшествия остались живы. Но ястреб сломал крыло и остался беспомощно лежать на капоте автомобиля. Сердобольные люди не бросили его, назвали Яшей и поселили у себя в сарае. Но, с приближением зимы, поняли, что хищную птицу, да ещё и с переломанным крылом, им не прокормить и отвезли своего необычного питомца в Сортавала, в живой уголок Детского Эколого-Биологического Центра. Сотрудники приняли Яшу с радостью и поселили в большом просторном вольере, где его соседями стали «потенциальная еда» - кролики, мыши, морские свинки. Вначале ястреб был почти ручной, но быстро освоился и стал демонстрировать свой хищный характер. Лаборанты, дабы он оставил в живых других обитателей Центра, кормят его регулярно, раз в день дают куриное мясо и сырые яйца. Пробовали давать варёные куриные кожу, печень, кости, но Яша - птица гордая, отказался. Недавно ястреба-тетеревиатника переселили в вольер поменьше. Видимо, без его согласия. Поскольку, вместо переезда, Яша вылетел из клетки и вволю порезвился, увиливая от собравшихся ловить его сотрудников ЭБЦ. Но, всё же поймали ястреба сачком для попугаев и поселили в клетку рядом с Петей, петухом. Теперь каждое утро сосед будет Яшу своим громким пением, а он отвечает ему не менее пронзительным визгом. Иногда, когда шумные дети, посетители Центра, уходят, звери - успокаиваются, к Яше приходит Людмила Ивановна, биолог и разговаривает с ним тихим, спокойным голосом: «Яша, Яша, какой ты хороший». Самое удивительное, что Яша ей отвечает такими же мягкими и ровными звуками, будто бы на самом деле понимает человеческую речь.

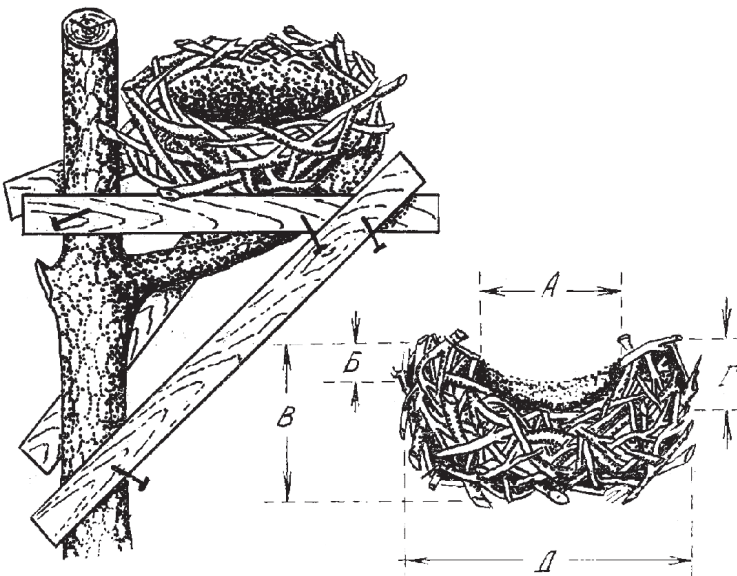
Светлана Махоей,

по материалам Википедии;
книги «Птицы», Зимин В.Б., Ивантер Э.В., Петрозаводск, издательство ПетрГУ, 2002 год; статьи сокольников из клуба «Molnia» Р. Сориша и Д. Сакса.

анатомические рисунки из книги Вильгельма Танка
“Анатомия животных для художников”, М., АСТ, 2004г.

На стр.39: акварель Магнуса фон Райта

Искусственное гнездо и способ его установки

Импилахти

Согласно старинным карельским легендам, в очень давние времена на северном берегу Ладожского озера жила прекрасная девушка Импи, именем которой были названы мыс (Импиниеми), залив и поселок (Импилахти) и даже несколько маленьких озер (Импилампи). Импи - это старинное карельское имя девушки, которое так и переводится - дева. Кто же такая Импи, почему она оставила столь глубокий след в карельском фольклоре и топонимике, мы узнаем из древних карельских легенд.

В одной из самых старых легенд говорится о том, что на острове Валааме, очень давно, еще до основания монастыря, стоял большой дом Валамо. В этом доме среди молодцев жила одна красивая девушка по имени Импи. Почва на острове была плодородная, жить было хорошо. Но Туоми – бог смерти – стал приходить в этот дом и забирать по-одному братьев Импи в подземный мир Маналу. Импи осталась одна. Работники по хозяйству стали все чаще обращать внимание на неземную красоту хозяйки дома, и преследовать ее любовными стрелами. Импи не стерпела, и убежала: села в лодку и отправилась на север Ладожского моря-озера.

Вскоре вышла она на скалистый берег мыса, который с тех пор зовется Импиниеми («Девичий мыс»). Импи плывет дальше, вглубь залива, за что позже и залив назвали её именем – Импилахти («Девичий залив»). Девушка плывет к своему жениху, который был из богатых купцов. Он загадал встретить в этих местах свою невесту. Импи доплыла до конца залива, до речки и там встретила со своим женихом. Молодые отправились на Валаам, где прожили счастливо многие годы.

По другой карельской легенде, в XV веке в нынешнем поселке Импилахти, на берегу залива, в Рантакюля, стояла летняя усадьба одного очень жестокого в обращении с крестьянами и богатого человека из деревни Кителя, где добывались самоцветные камни - гранаты. Каждое лето на усадьбе в Импилахти жила дочь этого богача – прекрасная Импи, которая, в отличие от своего отца, была ссрдобольной, и всегда заступалась за местных крестьян, с которых слуги хозяина собирали непомерную дань. Два раза в год отец Импи посещал летнюю усадьбу в Импилахти и устраивал суд и расправу над недоимщиками по указке своих слуг. Однажды крестьяне не выдержали издева-

тельств и беззакония, и восстали против жестокого хозяина усадьбы, убили его, разграбили и сожгли имение в Кителя. Импи, которую крестьяне уважали и любили, восставшие не тронули. Они посадили ее в белую лодку с двумя слугами и отправили на остров Валаам в монастырь. Но при выходе из залива в открытую Ладогу лодка попала в большую волну и перевернулась. Тело Импи и слуг через несколько дней прибило к южному мысу, который с тех пор зовется мысом Импи (Импиниеми). В память об Импи карелы назвали и деревню, где она жила – Импилахти.

Еще одна легенда рассказывает о том, что в Хуунукка - маленькой деревне на берегу залива Импилахти – когда-то жили молодые влюбленные – девушка Импи и простой бедный пастух. Но родители Импи нашли ей другого, богатого жениха из купеческой деревни Янаслаhti. Интригами родителей удалось отправить возлюбленного Импи прочь из деревни. Дочь же свою они держали в строгости дома. Однажды ночью, в бью, Импи убежала из дому к скалистому берегу Ладоги, и плача, стала звать своего любимого. Но ей отвечали только ветер и шумевшие у берега волны. Отчаявшись, Импи бросилась в волны бурлящей Ладоги, но не утонула, а превратилась в прекрасную русалку. Говорят, что в

Импилахти. Художник Грегори Ауэр, 1927г.

летние ночи, в полночь, Импи выплывает из глубин залива и нежится на воде, а потом, издавая рыдающие звуки, начинает звать своего возлюбленного.

Уже в наше время местные жители рассказывали, что молодым парням не следует долго задерживаться на мысу Импиниеми, т.к. они рискуют оказаться во власти чар прекрасной русалки, которая утащит их в глубины озера.

Легенды эти не могли возникнуть на пустом месте. Кто бывал на гранитном, сглаженном ледниками и волнами, мысу Импиниеми, тот наверняка знает, насколько притягательна, сказочно прекрасна здешняя природа. Когда на Ладоге штормит, огромные волны, ворочая камни и разбиваясь фонтанами брызг, с грохотом обрушиваются на гранитные берега, рождая необычный плеск воды. Звук этот усиливается, ударяясь о высокие береговые скалы, расщеченные трещинами и ложбинами. Так, вероятно, рождаются странные, немного пугающие звуки, напоминающие плач легендарной русалки Импи.

Но в последнее время в Импилахти можно услышать «легенды» совсем другого рода, например, такую. Отправился как-то раз один местный мужик на рыбалку. Место у него хорошее, как раз напротив мыса Импиниеми. Рыбы – много, почти все дно лодки ей завалено. Отобедал мужик – с собой было припасено. И вдруг, что удивительно, в самый штиль, вода вокруг лодки забурилась, и из воды...

высунулась голова на длинной шее в чешуе и с огромными глазами. Это чудовище вмиг слизало всю рыбу из лодки, хорошо, что самого мужика не тронуло. Все это потом напуганный мужик пытался сбивчиво рассказать своей рассерженной жене, которая, почему-то отказывалась ему верить.

Подобные истории не раз случались с импилахтинскими рыбаками. В существование ладожского чудовища («ладожского Несси») верят даже некоторые ученые, которые ежегодно проводят свои экспедиции в районе мыса Импиниеми. Может быть, легендарная русалка Импи и «ладожское Несси» - родственники?

Так или иначе, но на гербе поселка Импилахти изображена большая лодка с белым парусом, а в ней – дева Импи. Вероятно, что в древности в Импилахти действительно утонула какая-то девица.

Импилахти всегда было церковным селом, долгое время входившим в состав Никольско-Сердобольского погоста. Уже в 1589 году в составе этого погоста существовала отдельная Импилахтинская церковная община. В начале XVII века здесь уже действовала православная церковь. Она находилась на горе Каммосенмяки, в северо-восточной части поселка, называемой Лахденпохья. Вероятно, что церковь построили на том самом месте, где в древности совершался языческий обряд жертвоприношения, т.к. в переводе название горы означает «Гора страха».

Вторая православная церковь в Импилахтинской

Импилахти, фото 30-х гг. XX в.

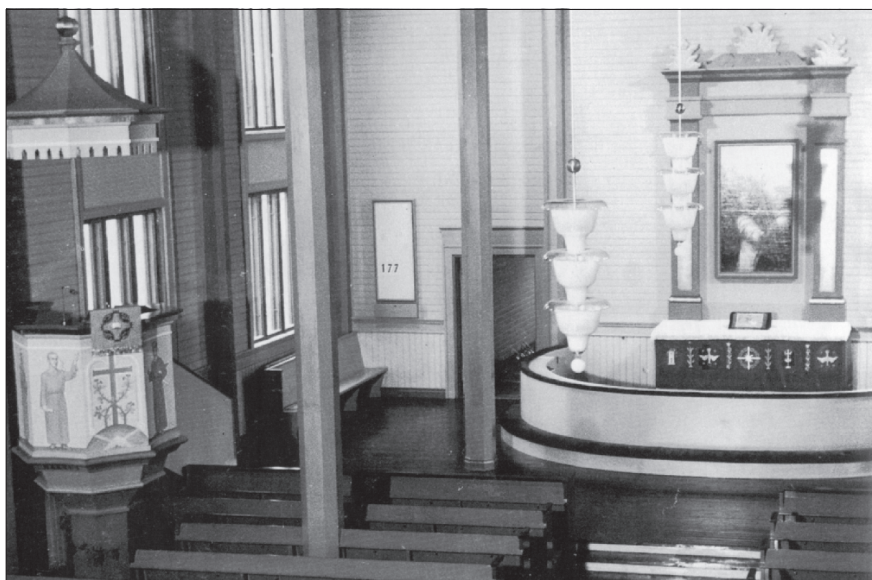

стр. 50:

интерьер Лютеранской церкви;
печать с изображением старинной церкви.

стр. 51:

виды и жители Импилахти 30-х гг. XX в.,
вверху - народная школа,
внизу - народное училище.

общине была построена в Кителя в 1686 году. В начале XVII века Импилахтинская община вошла в состав Суйстамского погоста. А в XVIII веке был создан Импилахтинский приход, который с 1777 года преобразовался в Кительский.

В 1638 году был образован Импилахтинский лютеранский приход. Церковь строили долго – до 1670-х годов, и с этого времени село стало называться Киркконкюля («Церковное село»). В Киркконкюля входило три деревни: на севере – Мётсе-кюля, на юге, вдоль берега залива – Рантакюля, на востоке – Кеппосенмяки. В центре Импилахти с 1862 года стояла красивая деревянная лютеранская церковь (третья по счету), а напротив неё – Народная школа, построенная в 1900 году. Церковь сгорела в 1946 году, и на ее месте в 1990-е годы финны поставили памятный камень. В здании бывшей народной школы с 1946 года разместился поселковый дом культуры, действующий до сих пор. Сейчас директором в нем работает Жилинская Валентина Григорьевна.

Часть поселка Импилахти, которая находилась возле дороги, спускающейся к заливу, называли Лахденпохья. На берегу озера работали лесопильный завод и мельница. В 2-3 километрах к югу от центра поселка Импилахти, в сторону Вийпуланни-еми, до войны находилось Народное училище Восточной Карелии, основанное на землях, ранее принадлежавших доктору Герману Бакману. Первые занятия в училище начались в 1906 году в одном из сооружений бывшего поместья. В 1910 году построили новое здание, но оно сгорело в 1928 году. В 1930 году по проекту архитектора Лаури Ханстен было построено из кирпича 4-х этажное здание. Постройки училища окружал дивный сад.

В 1931 году в двух километрах от Импилахти прошла железная дорога, связавшая поселение с крупными промышленными центрами Северного Приладожья – Питкяранта и Сортавала. К сожалению, сейчас железнодорожная станция Импилахти не

функционирует, но поезда здесь все же останавливаются.

Войны 1939-1940 и 1941-1944 годов обошли Импилахти стороной, но бомбежки 1941 года уничтожили многие постройки. При отступлении в 1944 году финны взорвали главный корпус Народного училища. Импилахтинское народное училище в настоящее время действует в Финляндии, в местечке Хилтуланлахти.

Здесь до войны имелись все службы волостного управления и услуги для поселения волостного центра. В Импилахти работали: кооперативный маслозавод, электросиловая станция, магазины, сбербанк.

Жители занимались рыбным промыслом и земледелием. Рыбной ловле отводилось особенно важное место до 1918 года, когда прекратилось движение по Ладоге в Петербург. Рыбу ловили неводами бригадами. Место лова готовили заранее и втайне от других. Мастера выбирали для промысла нужную погоду и тогда объявляли «аврал». Медлить было нельзя, рыба могла уйти.

В одном километре на юг от Народного училища, в районе бывшей деревни Хяттиля, сохранилось старое финское кладбище с надгробиями. Южнее этого кладбища еще с XVI века находилось крупное село Хуунукка, предшественник современного Импилахти, то самое село, где, по одной легенде жила девушка Импи. Финское название села происходит от слова Huntu - шапка, головной убор, которым закрывали глаза соколу во время соколиной охоты. Было время, когда жители Хуунукка платили налоги соколами.

Первыми поселенцами Хуунукка были выходцы с островов из окрестностей Сортавала. В давние времена они вышли из лодок на широкий лесистый берег полуострова Хуунукка. Ладога изобиловала рыбой, леса – зверем и птицей. Весной дикие олени выходили на лед Ладогои стадами и становились легкой добычей охотников.

С XVII века в окрестностях Хуунукка добывали озерно-болотную железную руду и выплавляли из него железо. Основным местом добычи руды являлось болото Канкаансуо. Для плавки требовались кремь, известь, уголь. Кремь брали из ближайших скал, известь - жгли из мрамора вблизи Киркконкюля в Импилахти, уголь

выжигали из древесины, из которой также получали дёготь и смолу. Выплавка железа в те времена было делом долгим и тяжелым. Руду грели непрерывно в течение трех суток, создавая дутье ручными мехами. В 1671 году известным мастером-плавильщиком в Хуунукка был Матти Питкянен.

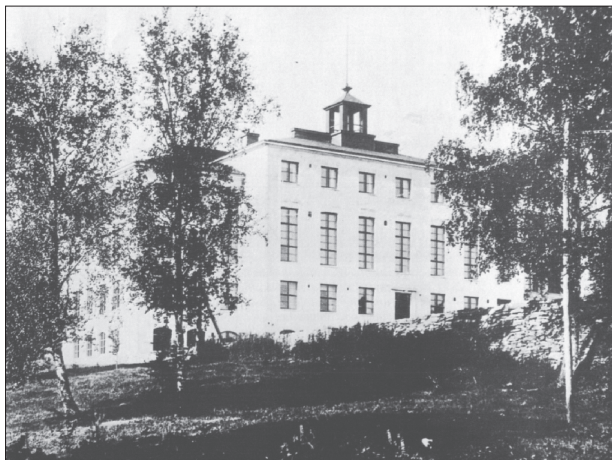
В XIX веке в окрестностях Хуунукка добывали из пегматитовых жил кварц и микроклин для производства фарфора, и знаменитые серые сердобольские граниты для украшений храмов и дворцов Санкт-Петербурга и Петродворца. Ломки гранитов находились на самом мысу Импииниеми, с которого, по легенде, бросилась в озеро дева Импи. В пегматитовых жилах района Хуунукка-Импилехти российским геологом Лисициным Г.Р. в 1889 году был обнаружен новый радиоактивный, редкометальный и редкоземельный минерал виикит в виде ограненных черных и коричневых зерен размером 1-5 сантиметров.

В конце XVII века, когда в регионе хозяйничали шведы, в Хуунукка было всего 5 дворов, остальные жители ушли в Россию. В Северную войну деревня опустела полностью. Лютеране ушли в Северную Карелию, православные – в Олонец и еще дальше. В 1727 году в деревню вернулась только одна семья Уймонен. Позже из Олонца приехали Ермоловы и Романовы. Перед «Зимней» войной в Хуунукка было 30 дворов. Война обошла деревню стороной, но время и люди уничтожили некогда крупное поселение, и сейчас на его месте – огромный пустырь с остатками лугов, садов, руинами домов и хлевов. На родине Импи ныне никто не живет.

В поселке Импилахти в прошлом жило много замечательных людей. Одним из них был известный саксонский горный мастер и металлург Густав Альбрехт. В 1834 году приехал он поднимать горное дело и металлургию в Питкяранта по приглашению Всеволода Омелянова, тогдашнего владельца Питкярантских рудников и заводов. В Импилахти Густав встретил свою Импи – девушку Александру, и женился на ней. В 1839 году Альбрехт ушел от Омелянова и завел свое дело, переехав в Импилахти. Недалеко от Питкяранта он начал строительство медеплавильного завода. Еще один завод – меловой – построил рядом с Импилахти, в деревне Сумерия. В начале 1840-х годов семья Альбрехт уехала в Германию. После остановки завода, на плотине реки Сумерианйоки еще долгое время работала мельница, пока ее не выкупило Импилахтинское электрическое общество.

Деревня Сумерия расположена всего в двух километрах от центра Импилахти. Первыми ее жителями были тоже переселенцы из Сердобольского погоста, с острова Риеккалансаари. Людей привлекли плодородные земли сумерийской долины и богатый рыбой залив Ладоги. В XVI веке в деревне насчитывалось 9 дворов с населением до 60 человек. Войны XV-XVII веков разоряли деревню. В 1651 году в Сумерия была построена дворовая усадьба губернатора графа Карла Густава Врангеля. Тогда Сумерия стала центром Салминского уезда.

В конце XVIII века в скалах Сумерия немного добывали красные «сумерийские» граниты для Санкт-Петербурга, которые, например, были использованы в цоколе Исаакиевского собора, построенного знаменитым архитектором Антонио Ринальди.

После войны жизнь в поселке Импилахти постепенно наладилась. Одно время здесь работал цех Импилахтинского отделения Сортавальской швейной фабрики. Власти пытались возродить народное училище, на месте бывшего сада располагался опытный участок, где, в частности, стали высаживать черноплодную рябину, впоследствии разошедшуюся по всей территории Северного Приладожья.

В каменном здании бывшего финского Сбербанка в 1950-е годы организовали небольшой «резиновый» заводик по производству сапог, бот, калош. Потом здесь размещались аптека, отделение милиции, сейчас – магазин.

В похожем здании напротив, где в финские времена находился магазин, в 1950-е годы разместились ресторан и магазин, а в настоящее время – администрация швейной фабрики ООО «Лахти» НПО «Ана» (Санкт-Петербург) и магазин, где можно купить продукцию этой фабрики – камуфляжную одежду.

До начала 1990-х годов на окраине поселка Импилахти работал зверосовхоз «Импилахтинский», где разводили норок. В 2003 году на месте уничтоженного перестройкой хозяйства было построено современное лесопильное предприятие «Сетлес» шведско-финского лесопромышленного концерна «Стора Энсо» мощностью 100 тысяч кубических метров пиломатериалов в год. Сейчас мощность предприятия возросла. Здесь по самым современным технологиям пилят лес и вводят новое производство – изготовление топливных гранул из отходов лесопиления и мебельных щитов из массива дерева. Продукция отправляется на заводы в Финляндию. Мощности, которыми располагает компания Инкап Фурнитура, арендуящая участок земли в Импилахти, позволяют производить до 15 тысяч кубических метров мебельных щитов в год.

В начале 2000-х годов в Импилахти, в бывшем доме священника, а позже – школы, разместилась учебная база «Импилахти» геологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Теперь база переехала в двухэтажное кирпичное здание, построенное в конце 1990-х годов, недалеко от дома культуры. В настоящее время её директором является местный житель Александр Иванович Тихомиров.

На восточном берегу залива Импилахти, на высокой горе Пулливуори, с 1960-х годов стали проводиться всероссийские соревнования по скалолазанию. Но в

настоящее время любителей состязаться со скалами осталось немного.

После строительства новой дороги, поселок Импилахти оказался в стороне от автомобильного грузопотока. Пришлось закрыть столовую, которая еще в 1990-е годы была лучшим учреждением общепита в Питкярантском районе. К сожалению, здание бывшей столовой сейчас выглядит ужасно – рухнула крыша. Властям следовало бы навести здесь порядок, ведь рядом находятся святыни Импилахти – памятники истории поселения. Кроме того, через посёлок с начала 2000-х годов проходит туристический маршрут «По прекрасной земле Импилахти», организуемый Региональным Музеем Северного Приладожья.

В центре поселка Импилахти, напротив Дома культуры и швейной фабрики, разбит «сквер памяти». Здесь установлены стела – импилахтинцам, погибшим в огне гражданской войны в Финляндии 1918 года, памятник жителям, погибшим в 1939-1941 годах – на месте лютеранской церкви, и памятник на братской могиле воинов 99 воздушно-десантной дивизии, сложивших головы в боях за Импилахти в 1944 году.

Жители посёлка стараются помнить свою историю. Главной её хранительницей является старожил этих мест Елена Семеновна Кемппе, проживающая в Импилахти с 1949 года. Она приехала сюда вместе со своими родителями – ингерманландцами после Сибири, где проживала во время войны. А родиной ее является село Колтуши Всеволожского района Ленинградской области. Елена Семеновна знает финский язык и легко переводит финские книги, в которых подробно рассказывается о славном прошлом Импилахтинской волости.

В настоящее время Импилахти является сельским поселением Питкярантского района, с населением около 650 человек. Импилахти, как и вся Россия, переживает нелегкие времена, но все же этот поселок выстоял, не исчез с лица земли. Здесь работает два промышленных предприятия (швейная фабрика и завод по переработке древесины), есть школа, дом культуры, турбаза, учебная база Санкт-Петербургского госуниверситета, в поселке строятся красивые дома.

У Импилахти есть будущее, а значит, долгая, почти 500 - летняя история поселения не прервется.

Борисов И.В.

зав. экскурсионным отделом
Музея Северного Приладожья

При подготовке материала использованы перевод Э.Э.Кяхконена книги Копонена «Мое Отечество - Импилахти». Финляндия, 1993г., а также устные сообщения и фото жителей Импилахти Жилинской В.Г. и Кемппе Е.С.

на фото:

стр.45: Панорама местности (30-е гг.)
снимок Юсси Турунена (Архив г. Йюенсуу)

стр.48-49: виды Импилахти,
фото В.Рыстов, С.Махохей (2010г.)

стр.52 (сверху вниз): бывш. дом священника;
памятный знак на месте кирхи; здание швейной фабрики

стр. 53 (сверху вниз): агитбригада ДК (70-е гг.);
швейный цех; жительницы поселка (70-е гг.)

магазин скобяных изделий братьев Кивинен, 30-е гг. XXв.

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

В городе Сортавала, первой центральной улицей была Турункату (названная в честь бывшей столицы Финляндии, г. Турку). Она начиналась у причала, куда приходили корабли с Валаама, Приозерска и Санкт-Петербурга, и заканчивалась сердцем города - торговой площадью. С советского времени эта улица носит название «Комсомольская». Центральная часть любого города всегда наиболее развитая и оживлённая. В конце 19 века Турункату была застроена красивыми деревянными зданиями – жилыми домами, офисами и магазинами. Но, в 1903 году в Сортавала случился большой пожар - сгорела дотла вся центральная часть города. После этого администрация вместе с пожарной частью постановили строить только каменные здания. Первым, отстроенным после пожара объектом в 1904 году, стал магазин железных (скобяных) изделий, братьев Кивинен, по проекту архитектора Герхарда Солберга. Их фирма была основана в январе 1899 и специализировалась на продаже изделий из металла, предметов сельского хозяйства, бензина и нефтепродуктов. Иметь магазин в самом центре города, в начале XX века было очень выгодно. Практически каждый, приезжающий в Сортавала по воде, старался заглянуть к Кивиненым и приобрести для своих нужд что-нибудь из товаров.

Магазин скобяных изделий успешно работал и развивался до начала Зимней войны. Затем был закрыт, несколько лет здание пустовало, и лишь в 1950-х годах было отдано под склады Сортавалторга и квартиры на верхнем этаже. В подвале бывшего магазина одна из крупнейших в советское время торговых организаций

города хранила лук. На чердаке до 1986 проживало 4 семьи. Первый этаж использовался для хранения одежды, продаваемой в сортавальских магазинах.

В конце 80-х в городе значительно вырос поток экскурсантов и встал вопрос об открытии выставочного зала, где могли бы постоянно экспонироваться работы художника, резчика по дереву Кронида Александровича Гоголева. Председатель Горисполкома Валерий Егорович Довбня постановил, что запланированное здание должно располагаться в центре города, желательно, чтобы оно было старой постройки, что позволило бы по площади разместить все работы, с большими окнами, широкими помещениями и без необходимости перепланировки. Тогда ещё многие не понимали, как именно начнёт воплощаться в жизнь эта культурная инициатива, но всем она пришлась по душе.

Первым делом, назначили ответственного за выполнение этой задачи – молодого специалиста, заведующего отделом культуры – Александра Валентиновича Гарамова. Начинать нужно было с самого сложного – расселения семей, живших на чердаке. Но, как можно было предположить, переезжать вот так, по первому зову, никто не хотел. Люди не доверяли администрации, боялись, что новую обещанную жилплощадь они так и не получат. Александр Валентинович каждый день проводил с жильцами разъяснительные беседы, и, в итоге, они согласились. Город выделил людям жильё, в обмен получив чердачное помещение для будущих летних и временных экспозиций. С администрацией Сортавалторга договориться было несколько

проще, поскольку им сразу стали строить новые склады на улице Гагарина, недалеко от школы интерната.

Дальше необходимо было охарактеризовать здание, составив акт о его техническом состоянии. Эту работу поручили выполнить архитектору-реставратору Валентине Тимофеевне Кирьяновой. Вот некоторые выписки из акта: *«Представляет высокий архитектурный интерес, как одно из старейших каменных зданий города, позволяющее наглядно судить о характере застройки и особенностях торговых зданий XIX-XX века. По стилиевой характеристике главный фасад относится к стилю эклектики с ориентацией на принципы классицизма. Северная граница участка застроена кирпичными двухъярусными хозяйственными постройками, вплотную примыкающими к дворовому фасаду здания, и вместе с ним представляет выразительную архитектурную композицию, которую следует сохранить и реставрировать».*

Именно за реставрацию и ремонт принялись сразу же после освобождения помещений. В проекте в основном выставочном зале были запланированы каменные полы, но на счастье, именно в то время Сортавальский Мебельно-Лыжный Комбинат освоил производство паркетной плитки. Поскольку с комбинатом у администрации отношения были хорошие, удалось договориться и купить паркет по очень низкой цене.

Торжественное открытие выставочного зала состоялось 19 марта 1989 года. На мероприятии присутствовали представители администрации и творческой интеллигенции города. Сейчас зал Гоголева, наряду с Валаамом, является одним из знаковых туристических мест. В нём представлена постоянная коллекция работ Кронида Александровича, создававшаяся на протяжении 35 лет. Основу экспозиции составляют уникальные произведения - сюжетные композиции на темы русского быта и карельского эпоса «Калевала», выполненные в технике многослойной резьбы по дереву, а также

живописные и графические работы, их в коллекции более 500. Экспозиция не является статичной и постоянно обновляется.

После открытия второго этажа периодически устраивались выставки приглашенных мастеров проводились семинары и мастер-классы. С 15 октября по 12 декабря 2010, по инициативе журнала «Сердоболь» в выставочном зале состоялась экспозиция Александра Харитонов, нашего героя, художника, о котором мы публиковали материал в 7 выпуске.

Зал знаменит и своими посетителями. В разные годы с визитами там побывали: патриарх Московский и всея Руси Алексей II, министр иностранных дел РФ А. Козырев, знаменитый русский путешественник Ю. Сенкевич, Народная артистка России В. Толкунова, Народная артистка СССР К. Лучко, поэт Е. Евтушенко и многие другие известные люди нашей страны.

За свою двадцатилетнюю историю зал приобрел немало людей к истинно духовной ценности – изобразительному искусству. Жители Сортавала по праву гордятся тем, что именно в нашем городе есть такое необычное и примечательное место, где собрана большая коллекция работ нашего земляка, знаменитого художника Кронида Александровича Гоголева. Каждый, проходящий в красивое и уютное здание на Комсомольской, попадает в мир новый, неизведанный. На его глазах, будто впервые, разворачиваются сцены, изображённые на деревянных полотнах, – оживают их герои и увлекают за собой любознательного зрителя в сказку, где царят добро, мудрость, красота и изящество. Побывав там однажды, вам захочется вернуться вновь. И у вас это обязательно получится, потому что выставочный зал открыт круглый год и гостеприимно ждёт своих посетителей.

Светлана Махохей,

на основе интервью с А.В.Гарамовым и материалов, предоставленных В.Т.Кирьяновой и М.К.Гоголевой.

интерьер выставочного зала, 2010г.

TIIVISTELMÄ

Sivu yksi

Albumin ensimmäisellä sivulla julkaisemme diplomian, jonka julkaisumme voitti yleisvenäläisessä Lihatsjov-säätiön järjestämässä kilpailussa huhtikuussa 2010. Tämä on Serdobol-albumin ensimmäinen merkittävä voitto ja ensimmäinen palkinto.

AIHE

4

Albumissamme tarjoamme lukijoillemme kaksi artikkelia Suomen sisällissodasta. Lainaamme otteita I.A. Smirnovan ja O.A. Jarovoin kirjasta Valamo: Suomen lipun alla, joissa kuvataan Sortavalan dramaattisia tapahtumia vuoden 1918 maaliskuussa. Ruotsalainen tutkija Bjarne Stenquist kirjassaan Den vita segerns svarta skugga: Finland och inbördeskriget 1918 kertoo terrorikauden hirmuisista yksityiskohdista. Aineistoa kuvittavat kirjasta lainatut valokuvat.

HISTORIALLINEN HENKILÖ.

12

Serdobol-albumin ensimmäisessä numerossa julkaisimme artikkelin Pogosta, kylä, kreivikunta, kaupunki, jossa mainitsimme Pohjois-Laatokan seudun ensimmäisen maanomistajan ruotsalaisen kreivin Gustav Adam Banerin nimen. Hänen kohtalostaan, elämänvaiheistaan ja juuristaan venäläisillä lukijoilla on hyvin niukat tiedot. Albumimme on ensimmäinen julkaisu, joka tarjoaa aineistoa ruotsalaisesta kreivistä venäjäksi Sylvan Nilsonin ruotsinkielisestä kirjasta Minä Gustav Adam Baner.

KAUPUNKILAISIA.

Kaunokirjailija

17

Natalia Persina on syntynyt ja kasvanut Sortavalassa. Hän on valmistunut Petroskoin yliopiston filologian laitoksesta. Hänen ensimmäiset kirjoituksensa julkaistiin Sever - ja suomenkielisessä Carelia-lehdessä. Tässä numerossa tarjoamme kertomuksen Minun viholliseni, minun veljeni, jossa kirjailija kuvaa Toisen maailmansodan tapahtumia Liettuassa.

Runonlaulaja

21

Sortavala ja Pohjois-Laatokan seutu ovat kuuluja runonlaulajistaan ja sadunkertojistaan. Anna Jegorovna Kibrojeva on yksi niistä. Hän oli syntynyt ja asunut Suojärven piirin Veskelyksen kylässä. Anna Kibrojeva osallistui runonlaulajakongressiin Kalevalan 100-vuotisjuhlavuonna. Artikkelin ohessa julkaisemme Kibrojevan laulun Tyttö odottaa epämieluisista sulhasta venäjäksi ja karjalaksi.

Taiteilija

26

Aleksandr Ahola-Valo oli syntynyt Sortavalan kihlakunnan Impilahdessa 1900. Hän eli 97 ikään ja jätti merkittävän jäljen neljän maan, Venäjän, Valko-Venäjän, Suomen ja Ruotsin, kulttuuriin ja kuvaamataiteeseen. 7-vuotiaana poikana hän piirusti ja kirjoitti päiväkirjaa. Hänen muistelmiensa pohjalta on tehty lastenelokuva Valo ja päiväkirjat on julkaistu erillisinä kirjoina. Ahola-Valon tuotanto tunnetaan ja sitä tutkitaan Hämeenlinnassa, Vyritsassa ja Vitebskissa. Aineiston kuulusta taiteilijasta julkaisemme albumissa ensimmäistä kertaa.

Lintuja

41

8 albumissa kerromme kanahaukasta. Karjalassa kanahaukkoja tapaa havu- ja lehtimetsissä. Ne metsästävät pieniä lintuja ja jyrsijöitä. Kanahaukkoja kyytetään haukkajahdissa. Sortavalan ekokeskuksessa on Jasa-haukan elinpaikka. Pari vuotta sitten haukka törmäsi autoon Värtsilän maantiellä ja katkaisi siiven. Silminnäkijät toivat linnun ekokeskukseen. Hoito ei tehonnut ja siipiluu ei kasvanut umpeen. Keskuksen työntekijät eivät päästä kanahaukkaa ulos keskukselta, koska se ei ole vaaratonta.

KOTISEUTU.

Impilahti

45

Impilahti sijaitsee 60 kilometrin päässä Sortavalasta. Paikannimen taustana on onneton rakkaustarina Impi-neidosta, joka hyppäsi lahteen ja muuttui vesineidoksi. Igor Borisov kertoo asutuksen historiasta ja sen kuuluisista asukkaista Suomen vallan ja neuvostoaikana.

KOHDE.

54

Kohteena tällä kertaa on Kronid Gogolevin näyttelysali. Rakennuksen on suunnitellut arkkitehti Gerhard Solberg varakkaiden Kivisten veljesten rautakauppaa varten. Neuvostoaikana siinä oli varasto: kellarissa säilytettiin sipulia, alakerrassa vaatteita ja vintillä oli asuintilat. Kronid Gogolev sai rakennuksen maksuttomaan käyttöön 1989 ja perusti sinne ympärivuotisen yksityisnäyttelysalinsa.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АЛЬМАНАХА

СОРТАВАЛА:

Книжный магазин "Айно" ул. Карельская, 31
Книжный магазин "Буквоед" ул. Карельская, 42
Магазин "Мальборо", ул. Кирова, 1
Музей Северного Приладожья,
ул. Ладожской флотилии, 5
Выставочный зал, ул. Комсомольская, 6
Гостиница "Каунис" ул. Ленина, 3
Туркомплекс "Дворик с трубой"
Фойе городской больницы
Магазин "Нево-маркет", пл. Кирова, 13
Магазин "Петровский", ул. Комсомольская, 3/5
Сувенирная лавка на причале
"Бюро путешествий", ул. Комсомольская 11
Отделения почтовой связи
"Дом композиторов"
Магазин «Кондор», ул. Советская 17
ПИТКЯРАНТА:
Газетные киоски города
СУОЯРВИ:
Книжный киоск в Администрации

ЛАХДЕНПОХЬЯ

Кафе «Рундучок» ул. Ленина 2
Книжный магазин ул. Ленина 24

ВЫБОРГ:

Книжный магазин «Слово», проспект Ленина
Магазин сувениров при Музее-крепости

ПЕТРЗАВОДСК:

Книжный магазин "Экслибрис" ул. Энгельса, 13
Магазин "Карельские мастера" ул. Ленина, 1
Киоск ПетрГУ, ул. Ленина, 33
Антикварный магазин ул. Карла Маркса 14

ПРИОЗЕРСК:

Музей - крепость "Корела"

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ:

Лавка Валаамского монастыря,
Синопская наб., 34/3
Магазин "товары для художников"
ул. Льва Толстого, 3/5
Галерея "Борей", Литейный пр., 58
Магазин "Культпросвет", ул. Пушкинская, 10

ООО сортавапальское БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ И ЭКСКУРСИЙ

экскурсии на Валаам
отдых на курортах
страховки
ВИЗЫ

тел/факс (81430) 4-74-81
ул. Комсомольская д. 11
e-mail: sburo@onego.ru

качественно и недорого! товар сертифицирован!
оптом и в розницу! ветеранам и пенсионерам скидки!
г. Сортавала, ул. Октябрьская 6, (вход со двора)
ежедневно с 10-00 до 18-00

ШУНГИТ

УНИКАЛЬНЫЙ КАРЕЛЬСКИЙ КАМЕНЬ

шунгит с малым содержанием углерода
для очистки воды дома и колодцев на даче

КАМЕНЬ ПОРФИРИТ ДЛЯ САУН И БАНЬ

тел. +7-931-702-75-02 **ООО "ПАРТНЕР ПЛЮС"** www.shungit-sorta.ru

ул. Карельская, 25
ПН-ПТ: 10-19 СБ: 10-17 ВС: 10-16

- фотопечать с любых носителей;
- реставрация и обработка фото;
- сканирование, запись;
- нанесение надписей и обработка фото;
- изготовление календарей и открыток;
- большой ассортимент фототехники и аксессуаров;
- индивидуальное изготовление багета для картин, фоторабот и зеркал

можно платить банковскими картами

ТЕЛ. 477-95

ООО "СЕРОКНА"

Фабричная, 11

производство
в Сортавала
самые низкие цены
на Северо-Западе

ОКНА ЛОДЖИИ ДВЕРИ

СРОК ИЗГОТОВЛЕНИЯ
от 3 до 7 дней
+7(921)463-46-50
+7(921)527-66-47
+7(921)466-40-25

Комсомольская, 9

кафе "ОСТРОВ СУШИ"

Верхний рынок, ул. Кирова, 1-а
**ЯПОНСКАЯ
И ЭКЗОТИЧЕСКАЯ КУХНЯ**

СУШИ В ШИРОКОМ АССОРТ.
прохладительные напитки,
алкогоктейли, **ВС-ЧТ**
мороженое... 9-23 час.

ДОСТАВКА **ПТ-СБ**
РОЛЛОВ И СУШИ 9-01 час.
ПО ГОРОДУ: 8(921)227-38-48

БАЗА ОТДЫХА

ГОСТИНИЦА

“КАУНИС”

“ЧЁРНЫЕ КАМНИ”

Коттеджи Гостиница
Рыбалка Бассейн
Снегоходы Бильярд
Солярий Пейтбол
Тренажерный зал
Баня на берегу озера

e-mail: hotelkaunis@onego.ru

КРАСИВАЯ ГОСТИНИЦА В КРАСИВОМ ГОРОДЕ

комфортабельные номера
в центре Сортавала
на берегу Ладожского озера

- бронирование мест
- заказ экскурсий

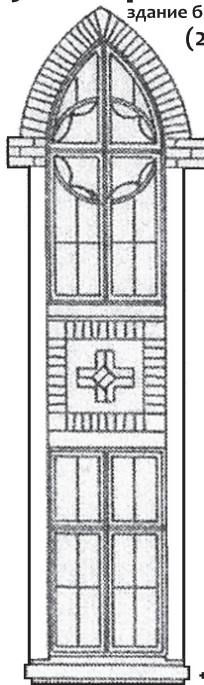
факс: (81430)24910, тел. (81430)24911
+7(921)4673415, +7(921)7018282

Карелия, 186790, г. Сортавала, ул. Ленина, 3

ЛАДОГА СТРОЙ

ул. Карельская, 42

здание бывшей типографии
(2 двор, 2 этаж)

ОКНА
ДВЕРИ
ЛОДЖИИ

оконные
профили:

SCUCO

REHAU

KRAYSS

KBE

(81430)2-38-63

+7(931)701-89-59

ТУРКОМПЛЕКС “ДВОРИК С ТРУБОЙ”

ГОСТИНИЦА

танц.
ШОУ
живая
МУЗЫКА

ИНТЕРНЕТ WI-FI

РЕСТОРАН
- русская
- карельская
кухни
праздничные
ПРОГРАММЫ

ночной
ДИСКО-БАР

лобби
БАР

на берегу
Ладожского озера

е-mail: piriiripika@onego.ru

тел./факс (81430) 23240, +7(921)526-1111, Карелия, СОРТАВАЛА, ул. Промышленная 44, +7(921)457-0404, www.kolmaskarelia.ru

**БЕЛОРУССКАЯ КОЛБАСА
ИЗ 100% МЯСА
ПО ОПТОВЫМ ЦЕНАМ**

тушёнка белорусского производства
вкусно и недорого
ежедневно с 9 до 17

новый павильон "Верхнего" рынка
Сортавала, ул.Кирова, д.1

магазин
Танюша
всё для детей любых возрастов

**ОДЕЖДА, ИГРУШКИ
ОБУВЬ, КОЛЯСКИ
ДЕТСКОЕ ПИТАНИЕ**

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ
ОБНОВЛЕНИЕ
АССОРТИМЕНТА!

ул. Бондарева, 9-Б
+7(921)451-96-69

[http://vkontakte.ru/club 16339846](http://vkontakte.ru/club_16339846)

ВС:10-17
СБ:10-18
ПН-ПТ:10-19

2-45-67 8(921)459-92-13

100.8fm
СОРТАВАЛА

**РУССКОЕ
РАДИО**

ТЕЛЕ2 центр подключения и обслуживания

просто дешевле
подключись и получи бонус
500 рублей на счет

тариф "СТРАЙК" 35 коп. минута

ул. Карельская 11а, Торговый Центр, напротив Администрации

По благословению
Игумена Спасо-Преображенского Валаамского монастыря
Епископа Троицкого Панкратия
ПРИЁМ ПАЛОМНИКОВ И ТУРИСТОВ
осуществляет
Паломническая служба Валаамского монастыря

"ВАЛААМСКИЙ ПАЛОМНИК"
по Ладоге на Валаам

В Едином Федеральном Реестре операторов по международному туризму

Санкт-Петербург: 193124, Синопская наб., д.34/36 тел.: +7(812)271-22-64; факс: +7(812)274-19-30	Валаам: 186756, Республика Карелия г. Сортавала, остров Валаам тел.: +7(921)014-86-00; +7(921)011-62-57 факс: +7(921)220-95-68; +7(921)220-95-38	Москва: 125074, ул. 2-я Тверская-Ямская, д.52 тел/факс: +7(495)250-97-99
--	---	--

www.vp.valaam.ru; e-mail: vp@valaam.ru

**ГОРНЫЙ ПАРК
РУСКЕАЛА**

Карелия, г.Сортавала, пос. Рускеала

**УНИКАЛЬНЫЙ
В ЕВРОПЕ
ЕДИНСТВЕННЫЙ В РОССИИ
ПЕРВЫЙ В КАРЕЛИИ**

экскурсии по каньону
дайвинг, лодочные прогулки
свадьбы, корпоративный отдых
кафе, парковка

+7(921) 461-40-13
+7(921) 526-11-11

www.kolmaskarelia.ru e-mail: mrarmorpark@bk.ru

4-50-17 4-73-08

КАФЕ "ЛАЦОГА"

с 9-00 на улице Суворова в доме №1 до 2-00

ЗАВТРАК, ОБЕД, УЖИН ПО УМЕРЕННЫМ ЦЕНАМ
ПРОВЕДЕНИЕ ТОРЖЕСТВ, СВАДЕБ И ПРАЗДНИКОВ